

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит три раза в год

1

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	БАЛАШЕНКО С. А. – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: balashenko@bsu.by
Ответственный секретарь	ШАХРАЙ И. С. – доктор юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: shakhrai@bsu.by
Балиук Г. И.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Ванг Г.	Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
Василевич Г. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вердуссен М.	Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
Каменков В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпович Н. А.	Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Келли К. Р.	Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
Крюссман Т.	Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
Макарова Т. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Матье Б.	Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
Мацкевич И. М.	Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.
Мещанова М. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Некрошюс В.	Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
Скаков А. Б.	Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хелльманн У.	Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
Чуприс О. И.	Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Шидловский А. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	BALASHENKO S. A. , doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: balashenko@bsu.by
Executive secretary	SHAKHRAI I. S. , doctor of science (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: shakhrai@bsu.by
Baliuk G. I.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Chupris O. I.	Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Hellmann U.	University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Kamenkov V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A.	Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R.	Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T.	University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
Mackevich I. M.	University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Makarova T. I.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B.	University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Miashchanava M. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Nekrosius V.	Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Skakov A. B.	L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Verdussen M.	Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
Wang G.	Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.137

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ

Г. А. ЛЫСАКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируется такой феномен правовой действительности, как коллизии в праве. Устанавливаются причины их возникновения, основания классификации, а также возможность устранения (смягчения) действия коллизий на правовую материю.

Ключевые слова: коллизия в праве; коллизии норм права; причины возникновения коллизий.

ON THE REASONS OF CONFLICTS OF LAWS ORIGIN

G. A. LYSAKOVSKIY^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article analyses such phenomena of law reality as conflict of laws. The reasons of conflict of laws, the base of its classification and chance of its elimination on the law reality are founded.

Keywords: conflict of laws; conflicts of rules of law; reasons of conflict of laws.

Образец цитирования:

Лысаковский ГА. О причинах возникновения коллизий в праве. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:3–11.
EDN: ICXVMZ

For citation:

Lysakovskiy GA. On the reasons of conflict of laws origin. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:3–11. Russian.
EDN: ICXVMZ

Автор:

Григорий Антонович Лысаковский – кандидат юридических наук; доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета.

Author:

Grigoriy A. Lysakovskiy, PhD (law); associate professor at the department of intellectual property law, faculty of law. PhDGrigoriy.lysakovskiy@gmail.com

Введение

Коллизия как явление в праве вызывает негативные последствия для системы права. Она разрушает единство правового регулирования, внутреннюю согласованность системы права, деструктивно воздействует на проводимую в государстве правовую политику, порождает хаос и противоречия в правоприменении и тем самым подрывает авторитет закона и законодательной власти, доверие к государственным органам, создает предпосылки для проявления разного рода недовольства властью у различных групп населения.

Вместе с тем существование коллизий нельзя признать явлением сугубо негативным, свидетельствующим о недостатках в правовой системе. В определенных случаях (речь о них пойдет ниже) коллизия как явление в праве может быть использована в качестве средства, с помощью которого можно решать задачи, имеющие важное значение для нормального развития правовой системы общества.

Так, И. В. Алена выделяет две положительные функции коллизий: информативную и непосредственно регулятивную¹. Информативная функция выражается в воздействии коллизий на сознание субъектов нормотворческого и правоприменительного процесса путем извещения законодателя о необходимости внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты, активизации правовой науки, благодаря чему стимулируется

и совершенствуется законодательство. Регулятивная функция заключается в применении отдельных видов коллизий (например, несоответствий между общими и специальными нормами) в качестве приема правового воздействия для дифференциации правового регулирования.

Как считает В. К. Бабаев, коллизия имеет положительное значение для развития системы права, если она является формой выражения справедливого притязания на создание нового правопорядка или сохранение общественного строя. С его точки зрения, в данном случае такое законное противостояние произволу, а также нарушению законности, конституционных прав и свобод является одним из способов поддержания и охраны конституционного правопорядка [1, с. 469].

Коллизия также может выступать в качестве «лакумусовой бумаги», характеризующей качественное состояние системы права. Увеличение количества коллизий в определенной отрасли права свидетельствует о несогласованности правового регулирования в ней и различиях в правовых позициях нормотворческих органов, указывает на необходимость принятия мер по обеспечению непротиворечивости правового воздействия, а также устранению причин, порождающих коллизии. Количество коллизий может служить показателем эффективности проводимых в государстве реформ.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования использовались общенаучные и специальные методы познания: диалектический, логический, сравнительно-правовой методы и метод системного анализа.

Теоретическую основу исследования составили работы по гражданскому праву. Результаты исследования основаны на изучении законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Основания для классификации коллизий норм права. Существование коллизии как явления, имеющего сложную социально-правовую природу, обусловлено многими причинами. В целях раскрытия генезиса коллизий рассмотрим существующие классификации причин их возникновения.

Право, как социальное явление, находится в тесном взаимодействии с другими социальными явлениями. Следовательно, правовые явления испытывают на себе влияние не только правовых, но и социальных, экономических, политических явлений и процессов. Исходя из этого утверждения причины возникновения коллизий подразделяют на правовые, экономические, политические и социальные.

По роли, которую играют причины в возникновении коллизий, их принято делить на прямые

и косвенные. Прямые причины сами по себе без помощи других факторов способны стать основанием возникновения коллизий норм права. Косвенные причины порождают коллизии лишь при одновременном совместном действии с другими обстоятельствами.

В качестве примера прямой причины возникновения коллизий можно привести нарушение правил законодательной техники. Увеличение числа норм права, наличие множества нормотворческих органов являются косвенными причинами возникновения коллизий норм права.

В зависимости от степени влияния на человека причины возникновения коллизий можно подразделить на объективные и субъективные. Объективными причинами возникновения коллизий норм права признаются закономерности, явления, существующие

¹Алена И. В. Коллизии в трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Томск, 2000. С. 9.

в социальной и правовой системах общества независимо от сознания людей, т. е. объективные причины возникновения коллизий норм права находятся за пределами влияния человека, люди не могут никакими поступками и мыслями приостановить или прекратить их непрерывное воздействие на явления и процессы, происходящие в праве.

В отличие от объективных причин субъективные причины попадают в сферу воздействия людей. Возникновение и действие самих этих причин происходит, как правило, благодаря действиям самого человека.

Некоторые ученые (М. Т. Байхманов) предлагают субъективные причины возникновения коллизий норм права подразделять на две группы:

1) коллизии норм права, возникшие благодаря действиям людей с корыстной заинтересованностью;

2) коллизии норм права, возникшие благодаря действиям людей без корыстной заинтересованности [2, с. 126].

К первой группе причин можно отнести деятельность различного рода социальных групп, лоббистов, направленную на принятие норм права, которые устанавливают незаконный льготный правовой режим для отдельной категории субъектов права, не соответствующий положениям законодательства.

Ко второй группе относятся различного рода нарушения правил законодательной техники, вызванные недостаточной правовой подготовкой лиц, занимающихся разработкой проектов нормативных правовых актов, и другие аналогичные причины.

Помимо объективных и субъективных причин, необходимо выделять так называемые смешанные причины, содержащие субъективные и объективные элементы.

Для уяснения влияния неправовых сфер жизни общества на возникновение коллизий в праве обратимся к анализу отдельных социальных, политических, экономических факторов, являющихся в определенных фактических ситуациях причинами возникновения коллизий.

Социальные причины. Социальные конфликты, разобщенность и противоречия социальных интересов, обусловленные углублением социальной дифференциации общества и социальным неравенством, и другие противоречия в социальной жизни общества не могут не воздействовать на правовые процессы, происходящие в государстве, и не отражаться на них.

Примером влияния социальных процессов на право может служить воздействие западного правового опыта на правовую систему Японии во второй половине XX в. После поражения Японии во Второй мировой войне в ней начался процесс рецепции законодательных норм западноевропейских государств и США в собственную систему права. Активно перенимались западноевропейские и американ-

ские либеральные ценности. Новые нормы права и ценности вошли в противоречие с традициями японского народа, принятыми в обществе правилами поведения. По этой причине, несмотря на то что японские законы устанавливают приоритет национальной системы судов и отдают ей главенствующую роль в разрешении споров и конфликтов, большинство японцев в силу влияния народных обычаев и традиций считают обращение за защитой нарушенного права в суд чем-то недостойным, разногласия они предпочитают разрешать путем переговоров согласно традиционным нормам поведения (гири). При этом гири могут быть не согласованы с нормами действующего законодательства. Как справедливо отмечает Р. Давид, «даже если в Японии институты будут полностью вестернизированы, а юридическая техника модернизирована, применение права все равно будет ощущать на себе в культурной атмосфере этой страны живучесть и действенность традиционных принципов» [3, с. 377].

Политические причины. Происходящие политические процессы и явления играют большую роль в возникновении различного рода коллизий. Как справедливо отмечает Д. П. Зеркин, вопреки положениям марксистской теории экономическая система Советского Союза начала разрушаться под влиянием не экономических причин, а политических разногласий [4, с. 193]. Стремление отдельных групп политиков и определенных групп населения союзных республик к национальной независимости перевесило необходимость сохранения складывающихся на протяжении многих лет экономических связей. Естественно, политика, направленная на суверенизацию союзных республик, нуждалась в правовом оформлении. Принимались нормы права, устанавливающие суверенитет и независимость союзных республик, противоречащие основам конституционного федеративного устройства СССР и порождающие тем самым глобальные коллизии в его государственном устройстве.

Деятельность различного рода политических партий, выражающаяся в представлении в установленном порядке в законодательные органы проектов нормативных правовых актов, которые преследуют реализацию программных партийных положений и содержат нормы, противоречащие другим правовым предписаниям действующего законодательства, а также влияние политических партий на избранных депутатов, членов и не членов этих партий для убеждения их в необходимости голосовать за вышеуказанные проекты нормативных правовых актов являются причинами возникновения коллизий норм права. Вышеуказанная деятельность представляет собой одну из форм лоббизма. Лоббистами могут быть не только политические партии, но и граждане, иностранцы, лица без гражданства, отстаивающие свои политические и другие цели, крупные корпоративные,

промышленные объединения, которые преследуют свои политические и экономические интересы и защищают их путем влияния на политические и правовые процессы в государстве. Зачастую следствием направленной на достижение противоположных политических целей деятельности лоббистов являются принятые нормотворческими органами разного уровня нормы права, которые противоречат друг другу и положениям действующего законодательства, но выражают интересы каждой из противоборствующих групп политических лоббистов.

Экономические причины. Коллизии норм права могут быть вызваны и экономическими причинами. Особенно остро проблема согласованности правовых предписаний встает в период проведения экономических преобразований в государстве. Например распад социалистического лагеря, бархатные революции, произошедшие в странах Восточной и Центральной Европы, породили глобальные социально-политические изменения, в соответствии с которыми правительства этих государств должны были проводить глубокие экономические реформы в кратчайшие сроки. Как справедливо отмечал А. А. Головкин, «надо было решить все вопросы жизнеобеспечения своего населения, справедливо разделить общесоюзную собственность, обеспечить управление всеми экономическими, политическими, социально-культурными отраслями, обороной страны, внешнеполитической и экономической деятельностью» [5, с. 101–102]. Для проведения полномасштабных экономических реформ в сжатые сроки надо было принять пакет законодательных актов, создающих правовую основу для их осуществления. Безусловно, принятие необходимого для экономических преобразований массива актов законодательства в столь сжатые сроки не могло не привести к появлению во вновь принятых документах множества противоречий и несогласованностей, обеспечить полное соответствие, адекватность норм права сложившимся новым хозяйственным отношениям. Кроме того, во многих странах пласт старого хозяйственного законодательства, регулировавшего прежние экономические отношения, которые существовали до социально-политических изменений, не был быстро отменен и продолжал действовать, входя тем самым в противоречие с новым законодательством экономических реформ.

Борьба за собственность, за право обладания материальными ценностями, право управления предприятиями часто является причиной возникновения коллизий норм права на локальном уровне. Например, в акционерных обществах вследствие борьбы между группами акционеров с противоречащими друг другу экономическими целями и интересами за собственность и за право управлять этими обществами принимаются противоречащие друг другу локальные акты, выражающие интересы каждой из групп.

Экономические противоречия при конкуренции субъектов хозяйствования, особенно в случае монополистической и олигархической конкуренции, отражаются на принимаемых нормах права. Целью любых компаний, претендующих на монопольное влияние в различных экономических сферах общества, является сохранение завоеванных экономических позиций, освоение новых рынков сбыта собственной продукции и их передел. Указанные цели компаний входят в противоречие с аналогичными интересами других компаний, выпускающих аналогичную продукцию, иногда они входят в противоречие с целями всего общества. Для защиты собственных интересов, ослабления позиций конкурентов крупные компании через лоббистов в законодательных органах и государственных органах управления стараются воздействовать на эти органы для принятия последними норм права, усиливающих позиции компании на рынке, препятствующих компаниям-конкурентам в осуществлении их деятельности. В свою очередь компании-конкуренты уже через собственных лоббистов влияют на субъекты нормотворчества в целях принятия ими норм права противоположного содержания. Таким образом, конфронтация конкурирующих компаний, направленная на достижение личной экономической выгоды, находит отражение в принятии противоречащих друг другу норм права.

Анализ спектра субъективных и объективных причин, обуславливающих возникновение коллизий, имеет большое значение для понимания природы коллизий, поскольку без него нельзя ответить на вопрос, возможно ли исключить саму возможность появления коллизий в правовой системе. Рассмотрим отдельные объективные и субъективные причины возникновения коллизий и попробуем ответить на поставленный вопрос.

Объективные причины возникновения коллизий. Социальная жизнь общества представляет собой сложное многоплановое явление. Распространить общие шаблоны на все субъекты права практически невозможно. Иначе за формальными предписаниями потеряется личность, поскольку люди от рождения не наделены одинаковым физическим здоровьем и идентичными умственными способностями. Так, установление одинаковых прав и обязанностей для всех будет несправедливостью по отношению к людям с определенными умственными и физическими недостатками, инвалидам. Для того чтобы попытаться хоть как-то достичь равенства возможностей инвалидов и здоровых людей, законодатель принимает комплекс мер, направленных на установление особого льготного режима для людей с ограниченной трудоспособностью. Устанавливая специальные правовые режимы для регулирования общественных отношений, законодатель упорядочивает их многообразные формы с учетом их особенностей,

но при этом возникают содержательные коллизии между общими и специальными нормами.

Действие общественных отношений во времени. Время представляет собой панорамное отображение состояний объективной действительности. Общественные отношения существуют во времени, вследствие чего претерпевают постоянные изменения. Одни формы общественных отношений сменяют другие, а они, в свою очередь, претерпевают изменения. В идеальном плане за изменением общественных отношений должны последовать и соответствующие изменения в правоотношениях, но в реальной жизни они не происходят. В результате разрыва во времени развития общественных отношений и права возникают коллизии, получившие несколько названий в юридической литературе. Они выражаются в несоответствии положения нормы права требованиям правового регулирования общественных отношений, обусловленном политическим строем, экономической ситуацией в государстве и другими факторами, которые сложились в определенное время. Такие коллизии могут выражаться в «устаревании» норм права, когда общественные отношения изменились и требуют новой формы правового воздействия, а норма права, регламентирующая эти отношения, не претерпела требуемых временем изменений. Соответственно, правовые предписания, которые заключены в ней, не могут эффективно регулировать изменившиеся общественные отношения, находящиеся в сфере ее правового регулирования. Другой формой проявления таких коллизий является так называемое «опережение» норм права, которые возникают в правовой системе, если правовые нормы, принятые законодателем, как бы опережают время и не достигают целей, ради которых издавались, не доходят до адресатов и могут результативно воздействовать на те общественные отношения, которые должны сложиться только в будущем.

Временной разрыв между общественными отношениями и правом обусловлен спецификой процесса правотворчества. Право, в отличие от других явлений, не может изменяться без волеизъявления человека: для изменения норм права необходимо соответствующее действие законодателя. Прежде чем принять требуемую изменившейся социальной обстановкой норму права или устранить возникшую в системе права коллизию, законодатель должен получить информацию о такой необходимости, затем осознать саму необходимость, ее реальность и неотложность и только потом принять нужные изменения в нормах права с соблюдением всех процедур. Вышеперечисленные действия людей по внесению необходимых изменений в законодательство занимают определенное время, из-за чего возникает временной разрыв между неуклонно изменяющимися общественными отношениями и нормами права, который приводит к возникновению коллизий.

Важно отметить, что, поскольку право призвано не только закреплять объективно необходимые общественные связи, сложившиеся на данном этапе, но и содействовать появлению новых прогрессивных форм и явлений, степень его действительности зависит от своевременности выявления (прогнозирования) тех или иных важнейших изменений, сдвигов в материальной и духовной жизни общества, которые требуют соответствующих сдвигов в правовой системе. Причем здесь одинаково опасно и вредно как отставание в развитии правовой формы общественных отношений от их содержания, так и неоправданная преждевременная регламентация процессов или явлений.

Действие общественных отношений в пространстве. Некоторые общественные отношения имеют сложную структуру, являются длящимися в том смысле, что начинаются на одной территории, продолжаются на другой, а прекращаются на третьей. Например, человек совершил правонарушение в одной административно-территориальной единице, потом правонарушение продолжилось в другой административно-территориальной единице и завершилось в третьей. Нормы, предусматривающие ответственность за это длящееся нарушение, в каждой из указанных административно-территориальных единиц по-разному квалифицируют содеянное. Возникает вопрос о том, нормами какой административно-территориальной единицы следует руководствоваться.

Изменение административно-территориального деления также является причиной возникновения коллизий. При изменении границ административно-территориальных единиц общественные отношения остаются прежними, а право, регулирующее их, меняется. Так, например, длящееся правонарушение было совершено на определенной территории. Когда правонарушение начиналось, эта территория входила в состав одной административно-территориальной единицы, а когда оно закончилось, эта территория уже была включена в состав другой административно-территориальной единицы. Возникает коллизия между правовыми предписаниями одной административно-территориальной единицы и нормативными положениями другой.

Субъективные причины возникновения коллизий. Множество нормотворческих органов. Общественные отношения, которые складываются в определенных сферах социальной жизни, могут регулироваться одновременно целой группой нормотворческих органов. При большом количестве нормотворческих субъектов, правомочных своими нормативными актами упорядочивать существующие общественные отношения в одних и тех же сферах общественной жизни, очень сложно согласовать множество правовых актов.

Тесно связаны с множеством нормотворческих органов и рост количества норм права, регулирующих

одни и те же общественные отношения и необоснованное расширение сферы правового регулирования.

Рост количества актов законодательства продолжается и сегодня. Он обусловлен, с одной стороны, существованием множества нормотворческих органов, с другой – быстрым изменением общественных процессов и явлений, происходящих в последнее время в белорусском государстве, требующих оперативного и обоснованного правового регулирования в целях их упорядочения, придания им устойчивых форм и развития их в нужном направлении, которое определяется целями социального развития Республики Беларусь на современном этапе. Безусловно, принятие такого огромного числа нормативных правовых актов в столь краткие сроки не могло не вызвать появления коллизий в системе права, обусловленных несогласованным нормотворчеством, неполным учетом всех появившихся форм общественной жизни, изменившихся старых форм социального бытия.

Следует отметить, что множество нормотворческих органов и рост числа норм права прямо не вызывают возникновение коллизий, а являются лишь его косвенными причинами в случае действия вкупе с другими причинами, такими как узкие ведомственные интересы, низкая правовая подготовка разработчиков проектов норм права, отсутствие согласования с иными нормотворческими органами. На наш взгляд, даже при интенсивном нормотворчестве и наличии множества нормотворческих органов можно успешно создать стройную, непротиворечивую, внутренне согласованную систему права, но лишь при условии неукоснительного соблюдения правил законодательной техники, установления четкой компетенции нормотворческих органов, повышения профессионального уровня специалистов, подготавливающих проекты нормативных правовых актов. Однако соблюсти эти условия достаточно не просто.

Многоуровневая иерархическая структура нормотворческих органов. Многоуровневая организация управления обществом выступает основанием для возникновения субординационных отношений в нем. Такая организация функционирования общества необходима для эффективного управления им. Суть властных отношений заключается в необходимости подчинить одни субъекты другим. Все эти объективные предпосылки порождают субординационные отношения между нормотворческими субъектами права, определяющими своими актами права и обязательные правила поведения для неопределенного круга лиц, что делает возможным возникновение иерархических коллизий между нормами права нормотворческих субъектов, состоящих в отношениях субординации между собой.

Необоснованное расширение пределов правового регулирования. Границы правового воздействия на социальные связи и процессы весьма подвижны,

что в условиях строительства Беларуси правового государства проявляется весьма наглядно. Наиболее заметным расширением сферы правового регулирования становится из-за возникновения новых областей и видов человеческой деятельности, нуждающихся в правовом опосредовании, подведении правовой основы под те сферы социальной жизни, которые оставались раньше вне правового воздействия. С. Г. Дробязко справедливо относит к закономерности функционирования современных правовых систем своевременное правовое упорядочение непрерывно развивающихся общественных отношений, которые нуждаются в правовой защите [6, с. 15].

Не вызывает сомнений, что увеличение количества актов законодательства даже в новых областях социальной жизни отнюдь не беспредельно, избыточность законодательства также вредна, как и пробельность в праве, распространение объема государственного регулирования в период исторического развития СССР, именуемого сейчас периодом застоя, на непомерно широкую сферу общественной деятельности, стремление охватить им все сферы жизни социума стали тормозом для развития инициативы людей, общественных организаций, а также породили целый ряд негативных явлений (теневую экономику, обюрокчивание государственных структур, приоритет волевых указаний и распоряжений, статичность мышления).

В связи с вышесказанным, признавая расширение сферы правового воздействия, вряд ли стоит считать, что в современных условиях нельзя назвать сферы общественных отношений, в которых наблюдалось бы свертывание юридического регулирования.

Безусловно, те зоны общественных отношений, где нарастает необходимость в правовом опосредовании явлений и процессов, являются наиболее заметными. Они определяются в основном насущными потребностями общественного развития и привлекают внимание исследователя и законодателя. Однако результативность, действенность права, перспективы его развития и совершенствования в не меньшей мере зависят от того, насколько четко определено место правовой формы в общей системе социальных регуляторов и налажено их взаимодействие. Таким образом, требуется появление сфер социального пространства, которые сейчас и в перспективе будут свободными от потребности в правовом воздействии, зон, где правовые нормы будут сдерживать развитие явлений и процессов, тормозить социальный прогресс, в связи с чем здесь целесообразно применение иных регуляторов.

Развитие правовой системы происходит не только посредством совершенствования ее нормативной основы, но и через усиление взаимодействия с другими регулятивными системами (политической, экономической, нравственной). Правомерная деятельность граждан протекает под действием комплекса

указанных регуляторов преимущественно вне специальных правовых форм. Поэтому только целостный подход к нормативной системе белорусского общества, выявление в ней места правовой системы и ее взаимодействие с другими системами (директивной, моральной, корпоративной и др.) позволит раскрыть тенденции развития права, выявить изменение пределов правового регулирования, определить возможность и целесообразность расширения или сужения его сферы в определенной области общественной жизни. С этих позиций следует признать весьма уместной критику на страницах современных журналов и газет непомерно широкой сферы государственного регулирования, из-за которой стремление подчинить детальному централизованному планированию и контролю все сферы жизни охватило общество, что стало тормозом для проявления инициативы.

В условиях строительства Беларуси правового государства невозможно отрицать необходимость принятия новых законов, обеспечивающих реализацию правовых реформ. Однако по мере их издания нужно вести речь об определенном ограничении нормотворчества, поскольку беспредельное раздвижение границ правового воздействия не только придает законодательству противоречивость и необозримость, существенно затрудняет процессы правоприменения, но и нарушает необходимое соотношение системы социальных регуляторов общественной жизни, противоречит тенденциям развития правового государства, в котором постепенно должны расширяться сферы социальной жизни, свободные от нормативно-правового воздействия.

Специализация правового регулирования. Специализация законодательства, выступающая в различных формах (дифференциации, конкретизации, детализации) как существующая в системе права объективная закономерность, является непосредственной причиной возникновения коллизий норм права. Объективная потребность в постоянном учете законодателем всех разнообразных форм и особенностей общественных отношений, которые складываются на конкретной территории в конкретное время и опосредуют взаимодействие между определенным кругом лиц в целях достижения предусмотренного нормами права результата поведения адресатов правовых норм – участников регулируемых правом общественных отношений, вынуждает законодателя прибегать к такому законодательному приему, как специализация. Издание специальных норм, закрепляющих особый режим правовых предписаний, и исключение из них общих норм для отдельного вида общественных отношений приводит к появлению целого ряда групп норм, которые совпадают по объему регулирования, но отличаются по диспозициям, что вызывает возникновение содержательных коллизий норм права.

Неопределенность компетенции нормотворческих органов. В качестве одной из причин возникновения коллизий норм права в научной литературе указывается нечеткое установление компетенции нормотворческих органов, дублирование их компетенционных полномочий. Назначение для нормотворческого органа неопределенных прав и обязательств предоставляет ему возможность принимать нормы по неопределенному кругу вопросов, вмешиваться в сферу компетенции другого нормотворческого органа, созданного специально для упорядочения определенных общественных отношений путем издания собственных правовых норм, которые часто расходятся с правоустановлениями специально уполномоченных нормотворческих органов. Таким образом неопределенность компетенции субъектов права часто становится одной из причин возникновения коллизий норм права.

Несоблюдение правил законодательной техники и их недостаточное закрепление в законодательстве. Нормативный правовой акт, принятый с нарушением законодательной техники, как правило, содержит в себе противоречия и не соответствует правовым предписаниям, воплощенным в других актах. К типичным нарушениям законодательной техники, порождающим возникновение коллизий норм права, можно отнести следующие:

- неточное определение составов правонарушений;
- нарушение терминологии, отсутствие единой терминологии в пакетах нормативных правовых актов;
- нарушение логической взаимосвязи между нормами права;
- несоблюдение процедурных правил принятия нормативных правовых актов;
- отсутствие четкой структуры правовых актов.

Коллизии норм права. Существующие в системе права коллизии норм права часто становятся причинами возникновения других коллизий норм права. Например, если в системе права имеет место коллизия, особенно когда коллидирующие нормы приняты нормотворческими органами, находящимися на верхних ступенях иерархии нормотворческих органов, и указанная коллизия существует длительное время, то нормы права, принимаемые нижестоящими нормотворческими органами в развитие каждой из коллидирующих норм права, будут вступать в противоречие с другими нормами права и соответствующими предписаниями действующего законодательства. Следовательно, в системе права будут возникать новые коллизии, составными частями которых являются коллидирующие нормы права, принятые в развитие других коллидирующих норм права.

Неравномерное развитие отраслей права, правовых институтов, составляющих одну отрасль права. С точки зрения идеального развития системы права любого государства необходимо синхронное

развитие существующих в ней отраслей права и правовых институтов. Желательно, чтобы вслед за принятием материальных норм права без промедления следовало принятие процессуальных норм, определяющих порядок их реализации. В реальной жизни общества равномерного развития правовых институтов зачастую не происходит. Нормы одних правовых институтов издаются без принятия необходимого механизма их реализации, что порождает возникновение коллизий в действующей системе права. В качестве примера неравномерного развития правовых институтов можно привести ситуацию, сложившуюся в белорусской системе права в 1990-х гг. Либерализация в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности, вызванная проведением экономических реформ, сопровождалась принятием массы новых нормативных правовых актов, которые регулировали хозяйственные отношения, устанавливали новые формы осуществления предпринимательской деятельности, новый порядок определения ущерба и другие нововведения. Но новациям в сфере регламентирования хозяйственного оборота не сопутствовали соответствующие изменения в уголовном законодательстве, вследствие чего уголовный закон длительное время был неадекватен новым реалиям в экономической сфере. Определения ряда понятий этой сферы жизни общества, содержащиеся в уголовном законодательстве, отличались от терминологии нового хозяйственного законодательства, а зачастую и противоречили ей, в уголовном законе не было составов преступлений, которые устанавливали наказание за новые формы правонарушений в области хозяйственной деятельности, что и порождало коллизии между правовыми предписаниями гражданского (хозяйственного) права и уголовного права.

Различия в уровнях правосознания людей и правовой нигилизм. Различия в уровнях правосознания людей являются непосредственной причиной возникновения коллизий.

Так, на практике имеют место случаи, когда люди, занимающиеся разработкой и принятием нормативных правовых актов, обладают низким уровнем правосознания, что выражается в неспособности понять задачи, решение которых необходимо государству, и цели политики правовых преобразований, проводимых

в стране. В силу низкого уровня правосознания они не могут постичь сущность принимаемых вышестоящими нормотворческими органами нововведений, зачастую с полным неприятием относятся к правовым реформам, осуществляемым в обществе, что приводит к принятию норм права, не соответствующих действующему законодательству, но отражающих правосознание и волю таких законодателей.

Различия в правовой идеологии ученых, законодателей, заключающиеся в неодинаковом концептуальном понимании правовых явлений и процессов, также в определенных случаях могут вызвать возникновение коллизий.

Правовой нигилизм, который обуславливает возникновение коллизий норм права, выражается в пренебрежительном отношении законодателя к соблюдению иерархии нормативных правовых актов и существованию необходимости обеспечить единство и согласованность правового регулирования.

Отсутствие обратной связи между практикой применения норм права и нормотворчеством.

Для своевременного устранения коллизий очень важно обнаруживать их в действующей системе права. Сигналом, свидетельствующим о возможных несогласованностях в правовых предписаниях, является противоречивая практика применения норм права. Если в результате обобщения судебной практики обнаружится практика разрешения определенной категории дел, свидетельствующая о противоречиях в правовом регулировании, то органу правоприменения надо донести информацию о выявленных коллизиях нормотворческому органу, который правомочен отменить действие коллидирующих норм права. Чем совершеннее действующие в государстве правовые механизмы, обеспечивающие оперативную связь между нормотворчеством и правоприменением, тем эффективнее разрешаются коллизии, которые существуют в правовой системе. И наоборот, чем хуже организован процесс обратной связи между практикой правоприменения и нормотворчеством, тем выше вероятность возникновения новых противоречий, порожденных существующими коллизиями.

Следует отметить, что коллизии часто являются следствием одновременного действия нескольких вышеперечисленных причин.

Заключение

Благодаря проведенному анализу объективных и субъективных причин возникновения коллизий можно сделать следующие выводы. Для устранения коллизий, вызванных действием субъективных причин, надо принять систему соответствующих мер, и принятые меры должны быть реализованы. В отношении коллизий, являющихся следствием действия объективных причин, возможно лишь

принятие комплекса правовых средств, которые смягчают воздействие порожденных ими негативных последствий, но устранить полностью действие объективных причин невозможно, так как они являются неотъемлемыми атрибутами жизнедеятельности общества.

Коллизия в праве имеет сложную социально-правовую природу, обусловленную действием комплекса

юридических, социальных, экономических и политических причин. Многие из них являются неустраняемыми, что обуславливает неизбежность возникновения коллизий, невозможность их полного искоренения из правовой системы. Но вместе с тем

целый ряд причин возникновения коллизий находится в сфере воздействия субъектов права, и в отношении их не только возможно, но и жизненно необходимо использовать весь спектр как правовых, так и неправовых мер по разрешению коллизий.

Библиографические ссылки

1. Бабаев ВК, редактор. *Теория государства и права*. Москва: Юрист; 1999. 592 с.
2. Байхманов МТ. *Противоречия в правовой надстройке при социализме*. Алма-Ата: Наука; 1978. 359 с.
3. Давид Р, Жоффе-Спинози К. *Основные правовые системы современности*. Москва: Международные отношения; 1999. 400 с.
4. Зеркин ДП. *Основы конфликтологии*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1998. 469 с.
5. Головкин АА. Современные проблемы государственного суверенитета Республики Беларусь. В: Бибило ВН, редактор. *Право и демократия. Выпуск 10*. Минск: Право и экономика; 1999. с. 99–112.
6. Дробязко СГ. Право как система и его закономерности. В: Бибило ВН, редактор. *Право и демократия. Выпуск 10*. Минск: Право и экономика; 1999. с. 3–16.

Статья поступила в редколлегию 14.02.2025.
Received by editorial board 14.02.2025.

УДК [34+340:316.772.5]:004

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Е. В. ПЕРЕПЕЛИЦА^{1), 2)}

¹⁾Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Высшая школа экономики, пер. Большой Трехсвятительский, 3, 109028, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается новое направление информационно-правовых исследований, связанное с автоматизированными коммуникациями. Обращается внимание на статичность правовых подходов, с помощью которых иногда оцениваются процессы сетевизации и платформизации. Проведенный анализ является шагом к разработке теории, дающей системно организованное представление об информационном (сетевом, бесшовном, компьютерно опосредованном) взаимодействии с точки зрения его юридической номинации, соотносительности с различными элементами структуры информационного права. Ставится вопрос о задачах, решаемых с помощью автоматизации как средства, в том числе о коммуникации государственных и общественных институтов, согласовании публичных и частных интересов. Показываются новые подходы к структурированию права, использование которых создает предпосылки для стабилизации его состояния в условиях стремительно меняющейся информационной реальности.

Ключевые слова: сетевизация; взаимодействие на виртуально-сетевых платформах; регуляторика; право на коммуникацию; системология информационного права; сегментация права; метаюридические основания.

AUTOMATED COMMUNICATIONS IN STRUCTURAL ORGANISATION OF INFORMATION LAW

Е. V. PEREPELTSIA^{a, b}

^aNational Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, 1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus

^bHigher School of Economics, 3 Bolshoi Trekhsvyatitelskii Lane, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article is devoted to a new direction of information and legal research related to automated communications. The author draws attention to the static nature of legal approaches which help sometimes to assess the processes of networking and platformisation. The carried out analysis is a step along the way of development of a theory that gives a systematically organised idea of information (networked, seamless, computer-mediated) interaction in terms of its legal nomination, correlation with various elements of the information law structure. The author raises the question about the problems solved using automated interaction, including communication between government and public institutions, coordination of public

Образец цитирования:

Перепельца ЕВ. Автоматизированные коммуникации в структурной организации информационного права. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2025;1:12–19.
EDN: OENUDH

For citation:

Perepelitsa EV. Automated communications in structural organisation of information law. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:12–19. Russian.
EDN: OENUDH

Автор:

Елена Васильевна Перепельца – кандидат юридических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований¹⁾, ассоциированный член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам²⁾.

Author:

Elena V. Perepelitsa, PhD (law), docent; leading researcher at the department of research in the field of state construction and information law, Institute of legal research^a, and associate member at the UNESCO chair on copyright, neighboring, cultural and information rights^b.
elenaperepelitsa@rambler.ru

and private interests. New approaches to structuring of law, the use of which creates prerequisites for stabilisation of its condition in the rapidly changing information reality are shown.

Keywords: networking; interaction on virtual network platforms; regulation; right to communication; systemology of information law; segmentation of law; metalegal grounds.

Введение

Сетевые информационные технологии подготавливают тектонический сдвиг в «логике построения социальных связей» [1, с. 165]. Изначально «механизм сетевой коммуникации... был разработан в годы холодной войны с целью обеспечения безопасности коммуникационных структур» [2, с. 225], в дальнейшем данное изобретение стало применяться буквально во всех сферах жизни. Процессы, суть которых составляют «сетизация, использование мультимедийных средств, мобильной связи и т. д.», меняют картину существующих общественных отношений [3, с. 16]. Параллельно кристаллизуются их новые виды, типы, способы организации. С помощью цифровых изобретений многие устоявшиеся процессы становятся неупорядоченными. Восполняя имманентную потребность человека в общении, высокотехнологические средства одновременно приводят к «нарушению и разрушению естественной структуры коммуникации» [4, с. 49]. Опасности сетевизации в известной мере отражены

научным юридическим сознанием, тогда как не менее значимые по последствиям ее положительные стороны подчас не получают должного внимания.

Информационное право призвано создавать новые познавательные модели стремительно меняющейся реальности. Данное обстоятельство в полной мере сказывается на структурной организации одноименной отрасли права, к научному обоснованию которой причастны М. С. Абламейко, Ю. М. Батулин, И. Л. Бачило, Г. А. Василевич, Н. Н. Довнар, Г. Г. Камалова, Н. Н. Ковалёва, Н. В. Кроткова, П. У. Кузнецов, Д. А. Ловцов, В. Н. Лопатин, О. С. Макаров, А. В. Минбалева, Л. Н. Мороз, А. В. Морозов, В. Б. Наумов, Т. А. Полякова, И. М. Рассолов, А. А. Тедеев, Л. К. Терещенко, М. А. Федотов, В. А. Шаршун, Т. З. Шалаева и др. В то же время влияние информационного права постоянно распространяется на все новые группы общественных отношений, при этом существуют такие сегменты, предельный смысл которых еще не раскрыт, и их местоположение в отрасли нестабильно.

Основная часть

Возникновение связей, «развитие общественных отношений в новых, ранее неизвестных направлениях» [5, с. 159] – обстоятельства, не всегда соответствующие статичным правовым подходам, на которые мы привыкли полагаться. Невозможность просчитать ситуацию заранее доставляет немало забот профессиональному юридическому сообществу, призванному мыслить как минимум со скоростью, соответствующей скорости развития технологий. Достижения прогресса способны разрушить любые наши планы. О всей серьезности испытания, выпавшего на долю нынешнего поколения правоведов, заявляет П. У. Кузнецов: «В правосознании возникают зоны турбулентности (потрясения), крайние точки зрения о “ветхом” состоянии правовых средств, которые уже не справляются с бурными событиями цифрового времени» [6, с. 57].

Вслед за погружением общества в среду обратных связей в информационное право проникают категории, передающие коммуникативную реальность, в том числе те, содержание и статус-кво которых предстоит до конца прояснить (компьютерно опосредованное общение, взаимодействие на виртуально-сетевых платформах). Порой законодательство и практика разных юрисдикций, не давая подробной

расшифровки используемым терминам, допускают их взаимозаменяемость. Активно используются сопредельные термины, близкие и далекие по содержанию. Преждевременно говорить об определенных критериях деления разнообразных форм информационного взаимодействия, но их наличие положительно сказалось бы на правоприменении. Регуляторика может быть поставлена в зависимость от той базы, на которой происходит коммуникация, будь то цифровые сервисы, технологические платформы, общение с помощью языка программных кодов и т. д.

В результате наложения одного вида информационного взаимодействия на другой возникают сросшиеся, гибридные модели. При этом «разные формы коммуникации во многом слились благодаря достижениям в сфере искусственного интеллекта» [7, с. 174]. Источниками дополнительной неопределенности выступают квантовые коммуникации, коммуникации в метaprостранстве, имеющие свою конкретность. Нельзя исключить, что в перспективе каждый вид коммуникации будет наделяться своим нормативным статусом.

Из понятий данного кластера в отечественном информационном законодательстве больше всего утвердилось понятие «информационное

взаимодействие»¹. В нормативных правовых актах разной отраслевой природы встречаются терминологические обороты «взаимодействие посредством электросвязи» и «взаимодействие в информационном пространстве». Для программных документов по цифровизации характерна многозначность: наряду с преобладающим словосочетанием «информационное взаимодействие» употребляются термины «взаимодействие в автоматизированном режиме», «интернет-коммуникации», «коммуникации в информационном пространстве», «телекоммуникации», «электронное, информационно-технологическое, бесшовное, цифровое взаимодействие», «взаимодействие на принципах интероперабельности», «взаимодействие в электронной форме»² и др. У них есть немало общего, но имеются особенные, а также единичные черты.

В споре о коннотациях, которыми пользуются юридическая теория и практика применительно к освещаемой теме, можно незаметно погрузиться «в сферу “исследования понятий” вместо изучения явлений» [8, с. 569]. Для удобства назовем разные формы информационного взаимодействия автоматизированными коммуникациями. Также позволим себе несколько абстрагироваться от лексико-юридических нюансов и погрузиться в системологию информационного права. При попытке уяснить местоположение автоматизированных коммуникаций в отрасли будем опираться на ее фактическую структурную организацию.

Как бы то ни было, автоматизированные коммуникации слабо напоминают целостную структуру. В свое время инициатива по разработке специальных коммуникационных кодексов была выдвинута во Франции, где представители юридической элиты считали право на коммуникацию недостающим звеном правового статуса личности³. Попытки номинировать данное право предпринимались в русскоязычном пространстве [9, с. 24].

Обобщенно устройство информационного права описывает так называемая парадигма трех китов [10], введенная И. Л. Бачило и впоследствии поддержанная другими специалистами. В рамках указанной парадигмы ведущими признаются суперинститут «Информационные ресурсы, инфор-

мационные технологии, коммуникации, включая интернет», суперинститут «Право на информацию (общее) и право конкретных субъектов на действия с информацией» и суперинститут «Правовое обеспечение информационной безопасности» [11, с. 9]. В данной триаде коммуникации идут следом за информационными ресурсами и технологиями, представляя вместе с ними звенья единой цепи. «Жизненный цикл информационного ресурса, – объясняет И. Л. Бачило, – немыслим без системы связи и передачи информации по системе субъектов: создателей, обработчиков, держателей, посредников по передаче (коммуникации) информации пользователям»⁴. Таким образом, коммуникации неразрывно связаны с информационными ресурсами, они являются их органичной частью. На этот счет следует заметить, что многое их действительно сближает, однако не все в коммуникации предопределено логикой информационного ресурса. Скажем, функциональные особенности свидетельствуют о самоценности сетевых коммуникаций и их непоглощаемости другими информационно-правовыми конструкциями. Автономность определяется свойством автоматизированной коммуникации осуществляться в разных воплощениях без привязки к конкретному информационному ресурсу, т. е. по отдельной траектории. С учетом артикуляции информационных ресурсов как находящейся в чьей-то собственности совокупности данных с присущими им «правовыми характеристиками объекта правоотношений» [12, с. 104] становится ясно, что коммуникации не всегда соотносятся с информационными ресурсами.

Базисная парадигма внесла упорядоченность в российские источники по информационному праву. Она предвосхитила легитимацию белорусского информационного права, сыграла для него роль своеобразного камертона. Отдавая должное трехкомпонентной модели, заметим, что она презюмировала лишь титульные признаки автоматизированных форм взаимодействия. Хотя коммуникации были отнесены к суперинституту информационного права, их место в структурной организации отрасли удалось установить в самом первом приближении.

Здесь потребуются ремарка. Наряду с парадигмой трех китов существуют другие воззрения на

¹Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

²О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025 ; О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025 ; рекомендации Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] : постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 10 янв. 2025 г., № 141-П8/1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025 ; Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025.

³Шарков Ф. И. Интегрированные коммуникации: правовое регулирование в рекламе, связях с общественностью и журналистике. М. : Дашков и К°, 2016. С. 115–128.

⁴Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право. СПб : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 96.

устройство информационного права. Например, Д. И. Ловцов считает, что оно состоит из четырех компонентов: медиаправа, права информационной безопасности, компьютерного права и телематического права [13, с. 49]. Оригинальностью отличается двухзвенная структура особенной части информационного права, в которую входят информационное экономическое право и информационное гуманитарное право⁵. Несмотря на разнообразие моделей структуры отрасли, ни одна из них не возникла в обход моделей, предложенных И. Л. Бачило и М. А. Федотовым, которых Ю. М. Батурин назвал аттракторами [14, с. 29, 37], т. е. центрами, «притягивающими к себе множество траекторий» [15, с. 15]. С одной стороны, названные ученые-юристы создали науку информационного права, с другой – глубинные догматические разногласия между ними повлияли на ее развитие.

Одно из центральных противоречий вызвано различным отношением к праву массовой информации. Профессор М. А. Федотов уверен, что это право примерно на десять лет опередило информационное право и приобрело необходимые основания для дифференциации и самостоятельности [14, с. 29]. Нормы права массовой информации «образуют вторичную юридическую целостность в системе права, не нарушая при этом архитектонику основных отраслей и не выходя из их структуры»⁶. В свою очередь информационное право расценивается как многоуровневое образование, состоящее из институтов информации, электронной цифровой подписи, информационных прав и свобод⁷. Профессор И. Л. Бачило воздерживалась от признания права массовой информации, считая, что оно не имеет достаточных признаков самостоятельности и не сводится лишь к зоне действия информационного права.

Наличие аттракторов отчасти объясняет несостоявшуюся кодификацию российского информационного законодательства. Заметим, что рациональная организация информационно-правового материала – задача исключительной сложности для большинства национальных правовых систем, в том числе для правовой системы Республики Беларусь. История развития информационного права ознаменована напряженными поисками устойчивых оснований и предпосылок для кодификации растущего нормативного массива, определением объектов, которые должны входить в приемлемо выстроенную общую часть кодифицированного нормативного правового акта. В последние годы все чаще речь идет о цифровом кодексе, однако определение «цифровой» не вполне корректно, оно «оставляет за бортом кодекса все отношения по поводу иных информаци-

онных технологий – аналоговых, гибридных, оптических, квантовых и др.» [16, с. 175].

На сегодня визуализированы юридически значимые свойства массовых коммуникаций, существенно углублены информационно-правовые представления о правовом регулировании отношений в сфере организации и деятельности средств массовой информации. Специалисты, которые сначала были сторонниками трехкомпонентной парадигмы, теперь отстаивают другую точку зрения, статусно приравнивают право средств массовой информации к подотрасли информационного права [17, с. 28]. При этом не учитываются собственно автоматизированные коммуникации. Их категориальные особенности и положение в структурной организации информационного права описываются эпизодически. Между тем приходит осознание, что этот особый промежуток (вспомним зоны турбулентности) не входит в состав права массовой информации и не соотносится с другими структурными элементами отрасли.

Сетевая среда дает конкурентные преимущества средствам массовой информации, заметно расширяет спектр их функций. Если прежде средства массовой информации выполняли функцию донесения контента до адресата и рассматривались как способ «информационного обслуживания массовой аудитории и социальных институтов»⁸, то теперь распространение новостей не является основной целью соответствующего социального института. Транслирование сведений и освещение событий уступают место коммуникационным задачам. В этом смысле нужную демаркировку обеспечивает понятие «право массовых коммуникаций». Но право средств массовой информации становится равнозначным праву массовых коммуникаций в случае гибкой стратификации представляющих его субъектов.

Информационные (цифровые, электронные, онлайн) коммуникации могут быть качественно обособленными от массовых коммуникаций. В сказанном убеждает сравнительный анализ права средств массовой информации и права автоматизированных форм взаимодействия как структур информационного права, находящихся в тесной связке.

Первое различие между ними находится в плоскости понятия «массовость». Право средств массовой информации рассчитано на массовую аудиторию, тогда как автоматизированные коммуникации отличаются большей вариативностью и бывают не только массовыми, но и межличностными, групповыми, межгрупповыми, коллективным и др.

Второе различие касается круга участников рассматриваемых сфер. Обязательной стороной коммуникативного процесса средств массовой информации

⁵Тедеев А. А. Информационное право (право интернета). М. : Эксмо, 2005. С. 11.

⁶Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право... С. 291.

⁷Информационное право / под ред. М. А. Федотова. М. : Юрайт, 2019. С. 23.

⁸Тендит К. Н., Иванов А. В. Теория и практика массовой информации. Комсомольск-на-Амуре : КнАГТУ, 2013. С. 18.

выступают традиционные средства массовой информации (печатные, телевизионные, радиовещательные) и новые средства массовой информации (сетевые издания, интернет-ресурсы). Этот перечень пополняется за счет омнимедиа [18] и других акторов. Круг участников автоматизированных коммуникаций отличается большей широтой, в него не обязательно входят средства массовой информации.

Третье различие связано с тем, что в виде сетевой и других форм онлайн-коммуникации мы всегда имеем дело с технологизированным взаимодействием, тогда как средства массовой информации могут в тех или иных ситуациях использовать более традиционные его формы. Как нормативный комплекс, это право пересекается с сетевым взаимодействием в той степени, в которой средства массовой информации пользуются инновациями. По мере роста технологической оснащенности медиа включаются в интернет-коммуникацию, но в остальном соответствующий участок правоотношений выведен из-под действия правил цифрового общения.

Наконец, четвертое различие касается предмета юридической регламентации. В белорусской медиасфере в этом качестве выступают средства массовой информации, единые правила для них и конкретная группа общественных отношений, последовательно урегулированных на уровне профильного нормативного правового акта⁹. В то же время область регулирования автоматизированного взаимодействия несколько размыта и раздроблена. С помощью автоматизации как средства решается обширный спектр правовых, управленческих и социальных задач (взаимодействие между субъектами нормотворчества, оказание государственных услуг населению и др.). Одна из ключевых задач, позволяющих раскрыть положительный потенциал этого средства, – коммуникация государственных и общественных институтов. Основная цель заключается в том, чтобы сделать автоматизированное взаимодействие средством согласования и балансировки публичных, общественных и частных интересов.

Право средств массовой информации и дистантное взаимодействие имеют близкую природу. Тем не менее словесная конструкция, которую условно обозначим как коммуникационное право, с юридической точки зрения не является тождественной праву средств массовой информации и имеет дело с качественно иным способом институционализации феномена коммуникации. Есть основание говорить о различных формах и видах автоматизированного взаимодействия как об особом объекте информационного права, готовом так или иначе от него отмежеваться.

Заметим, что коммуникационное право не единственный «кандидат» в составе отрасли, желающий от нее дистанцироваться, примерить на себя более самостоятельную роль. На самореферентность претендуют компьютерное, кибернетическое и платформенное право. Ранее о себе заявляли сетевое право, право информационно-коммуникационных технологий, интернет-право. Благодаря синтезу норм, регулирующих отношения в сфере искусственного интеллекта, вырисовываются контуры робоправа – особого надсистемного межотраслевого образования. По сходному сценарию готовы последовать право киберпространства и право цифровой среды, уже сейчас выдаваемые за суверенные нормативные конструкции, хотя скорее они представляют собой локализуемые области исследований. Примерно наравне с ними движутся экосистемное и квантовое право. Пожалуй, наиболее ярко на внутренней структуре информационного права отражается эмансипация цифрового права, которое стремится «перехватить эстафету» у своего прародителя, вплоть до претензий на полный суверенитет. «Любое явление, обладающее собственной оригинальной логикой развития, достойно некоего обособления» [19, с. 21], и разнообразие «претендентов на самостоятельность» демонстрирует непостоянство звеньев информационного права как отрасли, раньше и отчетливее прочих отзеркаливающей гонку и соревнование технологий.

В контексте освещаемой проблематики интересны даже не столько логические парадоксы (поглощено ли информационным правом право массовой информации, или оно переросло в отдельную конструкцию, приблизилось ли цифровое право к состоянию «собственной юридической бытности»¹⁰, или пока довольствуется подчиненным положением), сколько связующие линии между разными императивами, которые помогут обрести им равновесие. Важно понять, остается ли общая структурная организация права в условиях быстро меняющейся информационной реальности той же самой либо существенно усложняется.

Примем во внимание факт, что советская традиция ставила деление права на элементы в жесткую зависимость от предмета и метода правового регулирования как высших и безальтернативных классификационных критериев. Раньше они, как правило, не брались под сомнение. Данные критерии действительно предохраняют право и законодательство от распада. Но и в прошлых, и в настоящих исторических условиях подчинение права предмету и методу было и остается не абсолютным, а сама значимость

⁹О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

¹⁰Полежаев О. А. Право новых технологий, практика комплексной юридической проверки (due diligence) при подготовке сделок в сфере новых технологий, новые технологии автоматизации юридической работы (legal tech) / под общ. ред. Л. А. Новосёловой. М. : Проспект, 2023. С. 58.

названных критериев, как это видят специалисты, сильно преувеличена [20, с. 278]. В современных условиях «предмет правового регулирования становится практически беспредельным» [21, с. 10], что хорошо иллюстрирует пример информационного права. Нужно, не откладывая, искать другой оплот стабильности, возможность сглаживания накапливаемых противоречий, благодатное поле для которых создают платформизация и сетевизация.

Важно понимать, что использование технологий «миновало стадию обеспечительную и обслуживающую» [19, с. 20]. Самостоятельную роль сетевых информационных технологий доказывает тот факт, что они стремительно «вытесняют аналоговые формы бытия» [22, с. 179]. Это обстоятельство свидетельствует о новой сегментации системы права и системы законодательства, о чем напоминают многочисленные примеры правовых конструкций, «внеотраслевых нормативных общностей» [23, с. 49], существующих как бы вопреки четко определенным предмету и методу. «Создаются новые алгоритмы коммуникаций, где право переводится в “цифру”, т. е. “коды”», из-за чего «утрачивается традиционное деление права на отрасли» [5, с. 152]. Функциональные возможности «старых» критериев более чем ограничены. Так, с их помощью плохо удастся соотнести такое порождение прогресса, как метаверс, представляющий собой – «виртуальное пространство, существующее одновременно с физической реальностью и дополняющее ее» [24, с. 163], либо с частноправовой, либо с публично-правовой сферой. Отсутствует однозначная аккредитация вещей, которые прежде не существовали, например, цифровых сущностей, одинаково не совпадающих по своим типологическим свойствам ни с субъектами, ни с объектами правового регулирования. Для решения данной проблемы недостаточно установить специфику «субъектного состава отраслевых правоотношений и правовом режиме отрасли» [25, с. 78].

Согласимся, что «невероятная разрозненность норм и их скоростная изменчивость – общая черта IT-сферы» [26, с. 141]. Опираясь на традиционные критерии структурной организации права, сложно объяснить, почему юридическое сообщество вынуждено «прибегать к переформулированию научных определений с каждым новым достижением метаинформационных технологий» [27, с. 139], а также понять, до каких пределов простираются границы тех или иных «циклических правовых массивов» [28, с. 90]. С таким же успехом привычные критерии применяются для того, чтобы ограничить ускоренный рост количества нормативных правовых актов. Рассматриваемая проблема полностью не снимается ситуативным добавлением вновь возникающих правовых конструкций, их отдельных элементов к уже существующим правовым конструкциям. В части наполнения наличной законодательной матрицы образованиями, привно-

симыми сетевизацией, как правило, применяются стратегии, свойственные аналоговому периоду развития права. Но суть проблемы заключается в том, что «законодатель уже не ориентируется и даже не успевает сориентироваться, придав разнообразным отношениям, в том числе интернет-отношениям, позитивное устойчивое состояние» [5, с. 156].

Отступить от привычных критериев, глубже постигнуть устройство современного права и приблизиться к определению места автоматизированных коммуникаций в информационном праве предлагает монография В. И. Червонюка «Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования» [23]. В ней поставлен принципиальный вопрос о том, что предмет и метод как критерии формирования права почти исчерпали свои возможности. Руководствуясь только этими критериями, все труднее находить способ избежать законодательной инфляции. Стабилизации можно достигнуть при условии перенастройки права как такового на креативных метаюридических основаниях, когда наряду с традиционными индикаторами формирования тех же правовых институтов применяются дополнительные. Ввиду высокой динамики социальных изменений право в его актуальном состоянии предстает как многослойная конструкция, «многоуровневое и многосоставное образование» [23, с. 18]. Новые технологии ничуть не угрожают ему бесструктурностью, нарушением стабильности, напротив, в «продуктах» прогресса есть преобразовательный потенциал, если грамотно ими распорядиться.

В эпоху «высокотехнологичной глобальной экономики» [29, с. 174] право становится многосоставным. Оно имеет разные уровни: «базовый, основной, субсидиарный, специальный» [23, с. 22], каждый из которых аккумулирует собственный набор переменных. Помимо структурных компонентов, действующих в стационарном режиме, в правовой контекст внедряются «внеотраслевые нормативные общности, отдельные “мигрирующие” институты и субинституты, вызванные к жизни процессами конвергенции и дивергенции» [23, с. 22]. Они отнюдь не превращают право в смесь неких изолированных и мало связанных друг с другом компонентов, но делают его структурную организацию значительно более сложной и неоднородной. Правдивость данного посыла прекрасно подтверждает информационное право – образец отрасли, почти с момента своего образования подверженной процессам «бифуркации, т. е. разветвления путей» [14, с. 23], но от этого не потерявшей своей целостности. В. И. Червонюк полагает, что еще одна ценная инновация касается способа правового регулирования, в качестве которого предстает метод согласования интересов, не имеющий строгой отраслевой привязки, – «надотраслевой интерпубличный и интерчастноправовой метод регуляции» [23, с. 808–809].

В концептуальных построениях упомянутого автора ощущается влияние идей Ж. Л. Бержеля, с точки зрения которого при наступлении определенных обстоятельств то или иное образование вырастает в меру правового института. Надо сказать, труды Ж. Л. Бержеля не вызвали особого интереса в постсоветском правовом дискурсе, более того, их достоинства всячески нивелируются. Тем не менее в учении французского правоведа есть то, что помогает обнаружить имплицитные предпосылки формирования будущих правовых конструкций. Предложенный Ж. Л. Бержелем метод, в свою очередь, помогает понять, как «избежать разлома в каркасе заостренного юридического порядка, который может быть спровоцирован эволюцией на уровне реалий действительности» [30, с. 350]. Также заметим, что глубина и эвристичность бержелевского учения о юридических институтах распознана И. Л. Бачило, которая считает, что данное учение позволяет фиксировать тенденцию роста новых институтов по мере роста потребностей общества [31, с. 27]. И эта мысль – самое ценное, что можно вынести из данного подхода применительно к обществу, охваченному сетями.

В соответствии с обычным прочтением правовой институт представляет собой главным образом стабильную совокупность правовых норм, регулирующих однородные комплексы общественных отношений. Классический подход предписывает видеть в правовом институте устойчивую (первичную) общность юридических норм. Но по большому счету такая трактовка рассчитана на предсказуемый доцифровой мир, она довольно слабо соотносится с сетевым миром с присущими ему «непредвиденными поворотами в развитии событий» [32, с. 205]. В традиционном значении правовые институты «обладают такой степенью выделения юридических

норм, что при изъятии из правового регулирования отдельного правового института становится невозможной регламентация данного вида общественных отношений» [33, с. 13]. Ранее разговор о правовых институтах предполагал в качестве обязательного условия наличие «входящей в отрасль (подотрасль) права обособленной группы взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенную разновидность или сторону однородных общественных отношений» [34, с. 116]. То есть правовой институт мог считаться таковым исключительно в ситуации, когда дело касалось группы сравнительно сходных отношений, а равно достаточно оформленного единства норм.

В виде автоматизированных коммуникаций как порождения технологического прогресса мы сталкиваемся с группой весьма разнородных общественных отношений, однако до сих пор нет окончательно сформированного единства правовых норм, их регулирующих. Кроме того данная сфера не обходится без регуляторов, имеющих техническую природу. В соответствующих конструктах опознаются черты самостоятельного правового образования. И хотя его контуры еще только вырисовываются, уже сейчас можно констатировать, что он представляет собой дорожную карту «легитимного перевода общего права в систему субъективных прав» [31, с. 27]. Нетривиальный взгляд на устройство права, изменение роли предмета и метода в его актуальной архитектуре помогают понять, как именно складываются правила по «управлению юридическими ситуациями определенного типа» [30, с. 320]. Этот подход переворачивает привычные представления о том, «чем являются и чем не являются правовые институты» [30, с. 327], и проливает свет на то, как вокруг особым образом организованных общественных отношений возникают правовые конструкты [30, с. 314].

Заключение

Проведенное исследование автоматизированных коммуникаций в структурной организации информационного права позволяет сделать следующие выводы:

- определение места, занимаемого в информационном праве автоматизированными коммуникациями, связано с переосмыслением устоявшихся представлений об общей системологии права;
- новые метаюридические основания структуризации являются средством, которое не позволяет праву дестабилизироваться в условиях тотальных трансформаций;

- причинами сложности правовой категоризации различных форм автоматизированного взаимодействия выступают неоднородность данного объекта и необходимость применения юридических и технических средств для его регуляции;

- технологический прогресс постоянно привносит в право образования, место и функциональное назначение которых не представляется возможным установить, ориентируясь на привычные представления о структурной организации права, а также предмете и методе правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. Захарова МВ. *Учение о юридических картах мира*. Москва: Аспект Пресс; 2022. 264 с.
2. Меньшиков ПВ. *Медийное измерение мировой политики: эвристика критического осмысления коммуникации в новой реальности*. Москва: Прометей; 2022. 992 с.
3. Алексеева ИЮ, Никитина ЕА. *Интеллект и технологии*. Москва: Проспект; 2024. 96 с.

4. Талапина ЭВ. Права человека в Интернете. *Журнал российского права*. 2019;7(2):41–54. DOI:10.12737/art_2019_2_4.
5. Федорченко АА. Право и цифровая реальность: смена парадигмы. В: Рыбаков ОЮ, редактор. *Ценность права в условиях цифровой реальности*. Москва: Проспект; 2024. с. 142–164.
6. Кузнецов ПУ. Проблемы классификации информационных отношений. В: Полякова ТА, Минбалеев АВ, Наумов ВБ, редакторы. *Трансформация информационного права*. Москва: Институт государства и права РАН; 2023. с. 51–61.
7. Семёнов АЛ, Зискин КЕ. Расширенная личность как основной субъект и предмет философского анализа. Следствия для образования. В: Лекторский ВА, редактор. *Человек и системы искусственного интеллекта*. Санкт-Петербург: Юридический центр; 2022. с. 172–200.
8. Кабышев СВ. Фундаментальная юриспруденция как стратегическая основа национального правового лидерства. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2024;15(3):564–574. DOI: 10.21638/spbu14.2024.301.
9. Варламова НВ. Цифровые права – новое поколение прав человека? *Труды Института государства и права РАН*. 2019;14(4):9–46.
10. Бачило ИЛ. О неизбежном продолжении разговора о публичных услугах и более общих проблемах организации государственного управления (по поводу статьи И. Н. Барцица). *Государство и право*. 2014;4:53–57.
11. Бачило ИЛ. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности. *Труды Института государства и права РАН*. 2016;3:5–16.
12. Шалаева ТЗ. Информационные ресурсы: проблемы права собственности. *Вучонья записки Брэсцкага дзяржаўна-га ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна*. 2014;10(1):104–113.
13. Ловцов ДА. Системология информационного права. *Правосудие*. 2022;4(1):41–70. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.41–70.
14. Батурин ЮМ. Метаморфозы информационного права. В: Полякова ТА, Минбалеев АВ, Наумов ВБ, редакторы. *Трансформация информационного права*. Москва: Институт государства и права РАН; 2023. с. 23–37.
15. Батурин ЮМ. *Распад государства: нелинейная история*. Москва: РАН; 2019. 58 с.
16. Полякова ТА, Минбалеев АВ, Кроткова НВ. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России. *Государство и право*. 2024;9:166–179.
17. Батурин ЮМ. Информационный протокодекс: системная композиция. В: Полякова ТА, Минбалеев АВ, Наумов ВБ, редакторы. *Правовое обеспечение суверенитета и кодификации информационного законодательства*. Москва: Институт государства и права РАН; 2024. с. 21–42.
18. Батурин ЮМ. «Информационное ателье»: омнимедиа и трансформация права. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2023;46(3):9–19. DOI: 10.17323/tis.2023.17797.
19. Талапина ЭВ. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы. *Журнал российского права*. 2021;25(9):18–32. DOI: 10.12737/jrl.2021.108.
20. Грудцына ЛЮ. Цифровое право как комплексная отрасль российского законодательства. *Образование и право*. 2023;3:277–283. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-277-283.
21. Синюков ВН. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна. *Lex russica*. 2021;74(2):9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.
22. Гаврилова ЮА. Развитие ценностей права в условиях цифровизации. В: Рыбаков ОЮ, редактор. *Ценность права в условиях цифровой реальности*. Москва: Проспект; 2024. с. 176–206.
23. Червонюк ВИ. *Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования*. Москва: Юстицинформ; 2024. 942 с.
24. Калишук ВО. Политико-правовые аспекты метавселенной: предпосылки, научное осмысление и перспективы внедрения в Беларуси. В: Демиров ВВ, редактор. *Метаверс – цифровой тренд экономики, общества и управления*. Минск: ИВЦ Минфина; 2024. с. 162–182.
25. Корнев АВ, Танимов ОВ. *Информационное право в условиях цифровой трансформации российского права*. Москва: Проспект; 2024. 256 с.
26. Костюк ИВ. Правовые аспекты при реализации облачных сервисов в России: проблемы позитивного регулирования. В: Волков АА, Огородов ДВ, редакторы. *Информационные технологии в юридической деятельности: телеправо*. Москва: Проспект; 2024. с. 141–147.
27. Батурин ЮМ. *От Интернета до виртуальной Земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже)*. Москва: ИИЕТ РАН; 2022. 230 с.
28. Хабриева ТЯ, Черногор НН. Право в условиях цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018;1:90–92.
29. Брайдотти Р. *Постчеловек*. Данилов В, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2021. 408 с.
30. Бертель ЖЛ. *Общая теория права*. Денисенко ВИ, редактор. Москва: Nota bene; 2000. 576 с.
31. Бачило ИЛ. О методах и методологии в информационном праве. В: Полякова ТА, Наумов ВБ, Талапина ЭВ, редакторы. *Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы*. Москва: Канон+; 2018. с. 20–27.
32. Агацци Э. *Моральное измерение науки и техники*. Лекторский ВА, редактор. Москва: МФФ; 1998. 388 с.
33. Загоруйко КФ, Керимова ЕА. Правовой институт: понятие и виды. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право*. 2001;4:12–14.
34. Довнар НН. Институциональная характеристика правового регулирования СМИ: особенности современного этапа. *Вестник университета им. О. Е. Кутафина*. 2019;12:113–120. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.113-120.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.72

ПРАВО ГРАЖДАН НА ПУБЛИЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Т. М. КИСЕЛЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрываются сущность и особенности реализации права на публичные правовые инициативы в Республике Беларусь. Обосновывается его признание в качестве самостоятельного элемента права на управление делами государства. Выявляются отдельные проблемы реализации рассматриваемого права и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: публичные правовые инициативы; право на публичные правовые инициативы; право на участие в управлении делами государства; право на обращения; гражданские инициативы.

Образец цитирования:

Киселёва ТМ. Право граждан на публичные правовые инициативы в Республике Беларусь: теория и практика. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:20–28.
EDN: QFIHJI

For citation:

Kisaliowa TM. The right of citizens for public legal initiatives in the Republic of Belarus: theory and practice. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:20–28. Russian.
EDN: QFIHJI

Автор:

Татьяна Маратовна Киселёва – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Tatsiana M. Kisaliowa, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law. kisialtm@bsu.by

THE RIGHT OF CITIZENS FOR PUBLIC LEGAL INITIATIVES IN THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORY AND PRACTICE

T. M. KISIALIOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article reveals the essence and features of realisation of the right for public legal initiatives in the Republic of Belarus. The recognition of the right for public legal initiatives as an independent element of the right to manage the affairs of the state is substantiated. The author identifies certain problems of the realisation of the right for public legal initiatives and suggests the ways to solve them.

Keywords: public legal initiatives; right for public legal initiatives; right to participate in the management of public affairs; right of petition; civic initiatives.

Введение

Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в том числе право избирать и быть избранными, право на доступ к государственной службе, право получать информацию о деятельности государственных органов и другие права. В структуре права на участие в управлении делами государства в качестве самостоятельного элемента следует выделить право граждан направлять различные официальные инициативы представителям государственной власти. Данное право является важнейшей частью системы взаимодействия государства и общества, так как посредством подобных инициатив граждане формулируют свою волю, выражают свои потребности, опасения и ожидания, а государство получает обратную связь от населения.

Особое значение имеют инициативы граждан по вопросам публичного характера, т. е. инициативы, представляющие интерес для группы граждан, населения определенной территории страны или всего государства в целом. Специфический характер публичных инициатив определяет необходимость четкой правовой регламентации процедуры

их выражения и рассмотрения. В связи со сказанным важно на теоретическом уровне установить содержание права на направление публичных правовых инициатив, его место в системе прав человека и гражданина, выявить особенности и проблемы его реализации.

В юридической науке уделяется недостаточно внимания праву на публичные правовые инициативы. Как правило, предметом исследований отечественных и зарубежных ученых выступают конкретные виды инициатив, таких как законодательная (правотворческая) инициатива (А. О. Антонова, Е. П. Гуйда, Л. А. Нудненко и др.), нормотворческая инициатива на местном уровне (Г. Г. Куневич), инициатива по направлению предложений в государственные органы на республиканском и местном уровнях (А. О. Антонова, Г. А. Василевич, Т. С. Масловская и др.) и т. д. Лишь отдельные авторы (А. А. Редько, А. В. Малько) рассматривают правовые инициативы в широком смысле. Сложившаяся ситуация не позволяет в полной мере раскрыть сущность и специфику рассматриваемого права, осознать его значение для развития демократии и повышения активности граждан в управлении государством.

Основная часть

Непосредственное участие граждан в управлении делами государства и общества в большинстве случаев проявляется через инициативную деятельность. Законодательство закрепляет различные виды таких инициатив на республиканском и местном уровнях, устанавливая особые правила их осуществления. В юридической науке для соответствующей деятельности не сложилась единая терминология, одни и те же инициативы получают различные наименования. Как справедливо отметила Е. П. Гуйда, только для обозначения инициативы граждан в нормотворчестве «используются следующие понятия: законодательная инициатива граждан, народная законодательная инициатива, гражданская законодательная инициатива, правотворческая (нормо-

творческая) инициатива граждан, гражданская правотворческая инициатива, гражданская инициатива, общественная инициатива» [1, с. 64]. Такие различия в формулировках могут приводить к искусственному усложнению института инициатив граждан, необоснованному расширению видов инициатив.

Представляется, что все виды инициатив граждан наиболее полно охватывает термин «правовая инициатива», который используется в науке для обозначения не только правотворческой инициативы, но и иных форм участия граждан в решении вопросов общественной и государственной жизни. В частности, по мнению А. В. Малько и Л. Г. Агабековой, сущность правовой инициативы выражается в том, «что субъекты имеют возможность своими

целенаправленными правомерными действиями вызывать к жизни субъективные права и обязанности, изменять или прекращать их, достигать тех или иных юридических последствий» [2, с. 34]. Однако необходимо отметить, что такое понимание является слишком широким, охватывает инициативы как в публичной, так и в частной сфере, не делая между ними каких-то принципиальных различий.

Более удачным следует признать подход А. А. Редько, который под правовой инициативой предлагает понимать «предусмотренную правовыми предписаниями (нормами права) или вытекающую из их общего смысла возможность субъектов правовых отношений вызывать (инициировать) своими правомерными действиями определенные позитивные изменения в системе права, юридической практике и иных элементах механизма действия права, а также фактическую деятельность (поведение) по реализации указанной возможности в целях обеспечения интересов личности, общества и государства»¹. Автор акцентирует внимание на публичном характере инициатив, возможности их осуществления в интересах общества и государства. Однако в данном случае не в полной мере раскрывается сущность правовых инициатив как элемента права на управление делами государства. Реализация названного права не всегда приводит к каким-либо изменениям, она может быть лишь формой выражения мнения.

Полагаем, что при определении сущности правовых инициатив в контексте права на управление делами государства и общества важно указывать на особое содержание этих инициатив (те правомерные действия граждан, которые связаны с реализацией публичных интересов). Иными словами, такие инициативы должны касаться развития государства в целом либо некоторых его регионов, общества или отдельных социальных групп, но не конкретного человека. По этой причине считаем верным использовать термин «публичные правовые инициативы», что позволит отграничить их от любых предложений граждан, реализуемых в правовом пространстве.

Право на публичные правовые инициативы представляет собой гарантированную законодательством возможность граждан индивидуально или коллективно предлагать изменения, требовать их в правовом регулировании, правоприменительной практике или порождать конкретные действия государственных органов и должностных лиц в целях обеспечения интересов государства и общества.

Право на публичные правовые инициативы обладает рядом характеристик и специфических черт. Оно имеет двойственную природу. С одной стороны, данное право является элементом права на участие в управлении делами государства, а с другой – объ-

единяет широкий круг инициатив в публичной сфере, которые могут признаваться в качестве самостоятельных прав, так как имеют особенности содержания и процедуры реализации.

Право на публичные правовые инициативы является политическим правом, что определяет особые требования к его реализации. В первую очередь данное право в большинстве случаев гарантируется исключительно гражданам Республики Беларусь, обладающим избирательным правом. Однако отдельные инициативы могут быть выражены человеком вне зависимости от его гражданства, возраста или иных характеристик. Например, законодательство об обращениях граждан и юридических лиц не предусматривает строгих требований к заявителям, ими могут быть все граждане Республики Беларусь и находящиеся на ее территории иностранцы. Выражение публичных правовых инициатив требует выполнения установленных нормами законодательства правил, которые не могут быть изменены участниками соответствующих отношений.

Праву на публичные правовые инициативы характерен широкий субъектный состав. Данное право может быть реализовано как одним человеком, так и группой лиц. При этом группа лиц может иметь специальную организационную форму (например, в избирательных отношениях отдельные инициативы выражаются общественными объединениями, политическими партиями, трудовыми коллективами) или представлять собой совокупность граждан. Следует отметить, что большинство инициатив, в силу их публичного характера, являются коллективными, т. е. требуют поддержки определенного числа граждан или выражаются их объединениями.

Право на публичные правовые инициативы может быть реализовано на республиканском и местном территориальных уровнях. Содержание местных инициатив ограничивается интересами населения соответствующей территории, а республиканские публичные инициативы должны иметь значение для государства в целом. Следует учитывать, что процедура выражения местных инициатив в конкретных административно-территориальных единицах может устанавливаться местными органами и иметь свою специфику.

По форме направления инициативы могут быть устными, письменными и электронными. При этом законодательством не всегда предусматриваются все перечисленные формы для каждой инициативы. Наиболее распространенной на данный момент остается письменная форма, хотя происходит активизация использования электронных инициатив. Например, в электронной форме могут быть направлены предложения по совершенствованию законодательства и деятельности государственных

¹Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2023. С. 13.

органов, местные гражданские инициативы и некоторые иные.

По содержанию можно выделить общие и специальные публичные инициативы, последние при этом можно подразделить на нормотворческие, избирательные, референдальные и др. Общие инициативы изначально не ограничены определенной тематикой или сферой реализации. К ним относятся предложения, направляемые в соответствии с законодательством об обращении граждан и юридических лиц. Реализация специальных инициатив осуществляется по правилам, установленным отдельными нормативными правовыми актами.

По правовым последствиям выражения публичных правовых инициатив выделяются инициативные обращения, которые государственный орган или должностное лицо обязаны рассмотреть в установленном порядке, но не обязаны удовлетворить (предложения, направляемые в порядке законодательства об обращении граждан и юридических лиц, законодательная инициатива и т. д.), и инициативные требования, которые должны быть удовлетворены в случае соблюдения процедуры (выдвижение кандидатов в депутаты, предложения о созыве местного собрания, назначение референдума и т. д.).

Как уже отмечалось выше, для права на публичные правовые инициативы характерно отсутствие единого порядка реализации и, как следствие, единого нормативного регулирования. Конституционные основы данного права закреплены в ст. 37 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов, иных нормативных правовых актов и вопросов республиканского и местного значения, а также другими определенными законом способами. Направление публичных правовых инициатив относится именно к другим способам непосредственного участия граждан в управлении делами государства. Процедура реализации права на публичные правовые инициативы отражена в Избирательном кодексе Республики Беларусь (далее – ИК), Законе Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращении граждан и юридических лиц», Законе Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы и права на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию гражданами Республики Беларусь» (далее – Закон № 248-З), Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон № 108-З) и других актах.

Наличие такого большого числа актов объясняется разнообразием публичных правовых инициатив, а также их непосредственной связью с конкретными правоотношениями (например, избирательными отношениями, отношениями в сфере местного самоуправления и т. д.). Издание единого акта, регулирующего порядок реализации всех публичных правовых инициатив, представляется маловероятным, поскольку в таком случае будет нарушена сложившаяся логика регулирования правовых отношений. Это обстоятельство потребует, например, исключения из ИК норм, касающихся выдвижения кандидатов на выборные должности и должности членов избирательных комиссий, инициирования республиканского и местного референдума, отзыва депутата.

Таким образом, особенность права на публичные правовые инициативы заключается в их содержательном и процессуальном разнообразии. Данное разнообразие в определенной мере препятствует признанию рассматриваемого права в качестве самостоятельного, хотя все публичные инициативы имеют схожую сущность. В первую очередь их объединяют общие цели – эффективное развитие государства и общества, совершенствование регулирования общественных отношений, деятельности различных органов и организаций и т. п. Кроме того, правовые инициативы реализуются в рамках публичных отношений, они связаны с выражением интересов не одного человека, а группы лиц или всего общества в целом. Выражение публичной правовой инициативы должно осуществляться с соблюдением установленной в законодательстве процедуры.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о наличии тенденции к расширению перечня публичных правовых инициатив в Республике Беларусь. В частности, новыми формами инициатив стали обращения граждан к Всебелорусскому народному собранию и направление гражданских инициатив на местном уровне.

В действующей редакции Закона № 248-З закреплены правила реализации двух новых публичных инициатив: предложений граждан о выдвижении обвинения Президенту Республики Беларусь и смещении его с должности, а также предложений о созыве внеочередного заседания Всебелорусского народного собрания.

Право на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию предоставляется исключительно гражданам Республики Беларусь, обладающим избирательным правом. При этом в законе установлена конкретная численность граждан, которые должны поддержать предложение к Всебелорусскому народному собранию, – не менее 150 тыс. человек.

Для реализации указанной возможности гражданам необходимо создать инициативную группу в количестве не менее 100 человек и зарегистрировать

ее в Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь. Члены зарегистрированной инициативной группы осуществляют сбор подписей за соответствующие инициативы в течение месяца со дня регистрации инициативной группы.

Расходы на подготовку и проведение мероприятий, направленных на реализацию права законодательной инициативы граждан, права граждан на внесение предложений во Всебелорусское народное собрание и связанных со сбором подписей граждан, осуществляются за счет средств инициативной группы.

Законодательством устанавливается предельный срок для реализации данных публичных инициатив – не более трех месяцев со дня получения от Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь положительного заключения.

Предложение, внесенное Всебелорусскому народному собранию в соответствии с установленными требованиями, подлежит обязательному рассмотрению Всебелорусским народным собранием.

Следует признать, что процедура реализации указанных публичных инициатив является сложной, требует определенных организационных усилий и материальных затрат граждан. Процедура выражения инициатив Всебелорусскому народному собранию схожа с реализацией законодательной инициативы, которая гражданами не выражалась. В юридической литературе неоднократно упоминалась необходимость упростить порядок реализации законодательной инициативы, в частности, путем изменения способов сбора подписей. Так, О. А. Антонова, подчеркивая особое содержание права законодательной инициативы, предлагала рассмотреть возможности ее поддержки с помощью СМС или голосования на специально созданном для этого сайте [3, с. 11]. Принимая во внимание необходимость подтверждения у лиц, поддерживающих инициативу, избирательного права, следует использовать такие инструменты сбора подписей, которые позволяют идентифицировать личность и не ставят под сомнение свободу волеизъявления лиц. В связи с этим в целях упрощения процедуры перспективной видится организация сбора подписей за соответствующие инициативы через приложение «Е-Паслуга». Граждане, имеющие идентификационные карты, могут подтвердить свою личность в соответствующем приложении с помощью электронной цифровой подписи, которая заложена в карту. Такая процедура позволит уменьшить сроки на сбор подписей, сократить материальные затраты на работу членов инициативной группы, а также упростить процедуру проверки достоверности подписей.

В Законе № 108-3 в 2023 г. получила закрепление такая новая форма гражданской инициативы, под которой названный закон предлагает понимать мероприятия, направленные на улучшение качества

жизни населения, проживающего на территории соответствующей административно-территориальной единицы или ее части, в том числе на благоустройство территорий земель общего пользования в населенных пунктах, строительство (возведение, реконструкцию, ремонт, реставрацию, благоустройство) социально значимых объектов, общую профилактику правонарушений, предупреждение травматизма и гибели граждан, а также на решение иных вопросов местного значения.

В юридической литературе местные гражданские инициативы рассматриваются как «форма локальной спонтанной коллективной самоорганизации граждан для защиты своих интересов и взаимопомощи от ущемляющих их решений власти» [4, с. 429]. Полагаем, что такая характеристика, как «спонтанная», не в полной мере отражает сущность гражданских инициатив, поскольку их реализация требует определенных слаженных подготовительных действий.

Закон № 108-3 закрепляет общие правила реализации гражданских инициатив, которые уточняются в пределах каждой области Республики Беларусь и города Минска решениями соответствующих местных Советов депутатов.

Инициаторами реализации гражданских инициатив вправе выступать граждане (включая граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства), достигшие 18 лет и постоянно проживающие на территории соответствующей административно-территориальной единицы или ее части. Следует отметить, что для иных форм участия в местном самоуправлении предусмотрен более широкий состав субъектов. Например, быть участниками местного собрания могут не только граждане, достигшие 18 лет, зарегистрированные по месту жительства на территории административно-территориальной единицы или ее части, где проводится местное собрание, но и граждане, являющиеся собственниками недвижимого имущества, которое расположено на этой территории, либо владеющие указанным имуществом на иных основаниях.

Гражданские инициативы предполагают заинтересованность гражданина в развитии соответствующей территории. Эта заинтересованность не обязательно может быть связана исключительно с постоянным проживанием на ней. Полагаем, что следует расширить круг субъектов гражданской инициативы. В частности, правом выражения гражданских инициатив следует наделить граждан, временно проживающих на соответствующей территории или имеющих в собственности имущество, находящееся на ней. Заслуживает внимания также вопрос предоставления права на реализацию гражданских инициатив несовершеннолетним гражданам (в частности, достигшим 16 лет) при условии, что такая инициатива напрямую касается их прав, обязанностей или законных интересов. Отметим,

что Г. А. Василевич ранее предлагал рассмотреть вопрос о снижении возрастного ценза для участия в выборах на местном уровне до 16–17 лет [5, с. 22]. Первым шагом для реализации указанного предложения может стать привлечение граждан, достигших 16 лет, к участию в выражении гражданских инициатив.

Порядок реализации гражданских инициатив в пределах конкретных территорий, как уже отмечалось выше, определяется Советами депутатов областного уровня. Например, на территории Минска действует Положение о порядке реализации гражданских инициатив в городе Минске, утвержденное решением Минского городского Совета депутатов от 22 декабря 2023 г. № 556. Аналогичные решения приняты и иными Советами депутатов областного уровня. Полагаем, что следует принять типовое положение о порядке реализации гражданских инициатив. Данная мера позволит избежать возникновения пробелов в регулировании соответствующих отношений на территории конкретной административно-территориальной единицы.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие этапы реализации местных гражданских инициатив:

1. Внесение инициаторами проекта гражданской инициативы. Проект вносится заявителем или группой заявителей в соответствующий местный Совет областного уровня на бумажном носителе или в электронном виде. Проект должен включать описание проблемы, требующей решения, обоснование актуальности и конкретные способы ее решения, предварительный расчет средств, необходимых для реализации инициативы и иную информацию.

2. Предварительное рассмотрение проекта. Местный Совет депутатов, получивший проект гражданской инициативы, в месячный срок со дня его поступления проверяет правильность и полноту сведений, указанных в проекте, а также наличие или отсутствие положений, которые способны повлечь нарушения законодательства, создающие угрозу для жизни, здоровья, безопасности граждан или сохранности их имущества, угрозу причинения вреда местному хозяйству, окружающей среде.

По результатам предварительного рассмотрения проекта гражданской инициативы принимается решение о проведении открытого конкурсного отбора проектов гражданских инициатив или о возврате проекта гражданской инициативы инициатору с указанием замечаний и (или) предложений.

Повторное внесение проекта гражданской инициативы допускается при условии его доработки. При этом законодательство не устанавливает какие-либо специальные правила для повторного направления или рассмотрения инициатив.

3. Проведение открытого конкурсного отбора проектов гражданских инициатив. Областные ассоциации Советов (или Минский городской Совет)

организуют и проводят открытый конкурсный отбор не позднее трех месяцев с момента принятия решения о проведении конкурсного отбора.

Для проведения конкурса создается комиссия, которая должна оценить все представленные проекты по ряду критериев, определяемых соответствующими областными местными Советами. Следует отметить, что критерии могут различаться.

Например, в Минске оцениваются соответствие проекта целям проведения конкурса; его актуальность для населения и степень обоснованности; соответствие концепции развития территории и (или) объекта, на котором (которых) предлагается его реализация; соответствие основам идеологии белорусского государства; финансовая целесообразность и наличие достаточного объема финансирования; отсутствие иных способов реализации проекта без привлечения средств; наличие у инициатора возможностей организации работы с населением по участию в финансировании проекта; оригинальность предложенных к реализации объектов и (или) мероприятий и др.

На областном уровне оцениваются актуальность и социальная значимость гражданской инициативы; ожидаемые социальный, экономический и иные эффекты от ее реализации; инновационность подходов, предлагаемых в рамках реализации гражданской инициативы; направленность результата гражданской инициативы на улучшение качества жизни людей с ограниченными возможностями; вовлеченность в процесс реализации гражданской инициативы широкого круга партнеров (в том числе местных органов самоуправления, организаций, граждан, уязвимых групп населения); обеспечение возможности поддержания или развития результатов, достигнутых в рамках гражданской инициативы по окончании ее реализации.

Победителем открытого конкурсного отбора признается проект гражданской инициативы, который наилучшим образом отвечает интересам населения, проживающего на соответствующей территории административно-территориальной единицы или ее части. При этом победителями могут быть признаны несколько проектов. Например, в Минске количество победителей конкурса определяется комиссией с учетом размера бюджетных средств. Если размер бюджетных средств больше суммы, необходимой для реализации всех представленных проектов, либо равен ей, то победителями конкурса признаются все его участники.

4. Реализация гражданской инициативы. Реализация проектов, определенных победителями конкурсного отбора, обеспечивается местными исполнительными комитетами базового территориального уровня.

Отдельно регулируется вопрос финансирования реализации гражданских инициатив. Так, финансирование соответствующих расходов осуществляется в равных долях из средств республиканского бюджета

и бюджетов областных уровней. Устанавливается обязанность инициатора участвовать в финансировании реализации гражданской инициативы в размере не менее 10 % от стоимости этих гражданских инициатив. Такой подход следует признать обоснованным, так как подлинное непосредственное участие граждан в местном самоуправлении не может выражаться исключительно в предложениях и указаниях, они должны вносить и личный вклад. Требование о финансовом обеспечении, даже частичном, должно исключить подачу необоснованных инициатив и способствовать недопущению злоупотребления правом на реализацию гражданских инициатив.

Еще одной новой формой публичных правовых инициатив можно считать предложения граждан, адресованные лицам, обладающим правом инициировать в Конституционном Суде Республики Беларусь проверку конституционности нормативных правовых актов. Подобное право закреплялось и ранее, однако процедура его реализации изменилась. Согласно п. 2 ст. 103 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон № 124-З) предложение дать заключение о соответствии нормативного правового акта Конституции Республики Беларусь может быть основано на поданном Президенту Республики Беларусь или направленном в иные органы, уполномоченные обращаться в Конституционный Суд Республики Беларусь, обращении гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, организации, по мнению которых применением нормативного правового акта в решении государственного органа или судебном постановлении нарушаются права, свободы и законные интересы гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, права и законные интересы организации. Данные предложения подаются по правилам, установленным законодательством об обращениях граждан и юридических лиц с особенностями, определенными Законом № 124-З. В частности, для них установлен предельный срок подачи – не позднее одного года со дня вступления в силу решения государственного органа или судебного постановления, в которых применен соответствующий нормативный правовой акт. Решения, принятые по результатам рассмотрения таких предложений, являются окончательными и обжалованию не подлежат. Хотя подобные предложения и связаны с наличием личной заинтересованности заявителя, они имеют явный публичный характер, так как проверка конституционности нормативного правового акта является важнейшим инструментом обеспечения верховенства права и укрепления конституционной законности, в которых заинтересованы и государство, и каждый член общества.

Осуществление права на публичные правовые инициативы на практике связано с рядом проблем,

требующих внимания государства и нормотворческих органов. К таким проблемам можно отнести следующие:

1. Пробелы в регулировании процедуры реализации публичной правовой инициативы. Очевидно, что граждане должны знать и понимать процедуру реализации своих прав. Признание права на нормативном уровне само по себе не гарантирует его реализацию без соответствующего механизма. Следует отметить, что в действующем законодательстве еще сохраняются пробелы. Например, в Законе № 108-З устанавливается право нормотворческой инициативы граждан в отношении решений местных Советов депутатов. Однако процедура реализации данного права не нашла отражения ни в законе, ни в актах местных Советов депутатов, за исключением Устава города Минска, утвержденного решением Минского городского Совета депутатов от 26 июня 2001 г. № 193. Однако и закрепленный в уставе механизм нельзя признать полным, поскольку в нем не урегулированы такие существенные вопросы, как порядок организации сбора подписей, регистрации инициативной группы, сроки сбора подписей и др. В силу этого обстоятельства реализация указанного права на практике является невозможной, хотя она и получила прямое законодательное признание.

2. Финансовое обеспечение мероприятий по направлению и реализации инициатив. Реализация права на публичные правовые инициативы требует наличия материальной базы, необходимой как для процедуры инициирования, так и для проведения мероприятий по выполнению инициатив.

Объем затрат зависит от процедуры и вида инициативы. Направление индивидуальных инициатив обычно не связано с существенными затратами. Но при организации сбора подписей в поддержку коллективных инициатив требуется покрытие всех расходов, которые согласно законодательству возлагаются на самих инициаторов. В ряде случаев этот момент может стать препятствием для реализации права на инициативные обращения. В то же время возложение на граждан обязанности по участию в финансировании расходов способствует реализации принципа партнерства, когда граждане становятся активными участниками отношений по воплощению в жизнь своих предложений.

Еще одной проблемой может стать отсутствие бюджетных средств, выделенных для реализации инициатив. В таком случае государственный орган не сможет воплотить предложение, даже если посчитает его обоснованным и полезным.

3. Обеспечение баланса частных и публичных интересов. Следует признать, что не каждая публичная инициатива может и должна быть реализована, так как в основу решений по таким инициативам должны закладываться интересы всего общества в целом, а не потребности одного человека или группы

людей – жителей отдельной территории. Важно учитывать, что определяющим критерием является не количество инициаторов, а значимость и обоснованность самой инициативы, прогноз последствий ее реализации для государства и общества, реальная возможность воплощения предложения и иные подобные факторы.

4. Злоупотребление правом на публичные правовые инициативы. Данная проблема затрагивает в первую очередь инициативы, реализация которых не требует выполнения каких-либо специальных требований. Следует согласиться, что «когда происходит злоупотребление правом, нарушается конституционный баланс интересов, умаляются конституционные ценности» [6, с. 12]. Неоправданная нагрузка на государственные органы станет препятствием для эффективного рассмотрения обоснованных инициатив, поэтому в решении данной проблемы заинтересованы как представители власти, так и сами граждане.

Решение проблемы злоупотребления правом на публичные инициативы не должно быть связано с установлением дополнительных препятствий для направления инициатив. В первую очередь следует повышать правовую культуру населения, формировать партнерские отношения между государством и гражданами, укреплять доверие общества к власти.

5. Игнорирование возможностей цифровизации для реализации публичных правовых инициатив. Использование информационных технологий должно способствовать упрощению реализации права граждан на публичные правовые инициативы, установлению новых форм связей между населением и государством. Использование возможностей цифровизации может выражаться как в появлении цифровых форм выражения инициатив, так и в применении различных технологий на конкретных этапах выражения публичных инициатив.

На данный момент преобладают традиционная форма публичных правовых инициатив – сбор подписей граждан с помощью бумажных подписных листов. Только в нескольких случаях допускается использование электронной формы документа для направления инициатив.

В законодательстве предусмотрено использование интернета для проведения агитации по вопросам реализации отдельных видов публичных правовых инициатив (например, законодательной инициативы, инициативы по внесению предложений Всебелорусскому народному собранию). Однако зачастую посредством интернета граждане информируются уже по факту выражения инициатив (проведения конкурсов по гражданским инициативам, местного собрания, агитации по выборам и референдуму и т. п.).

Немаловажной проблемой права на публичные правовые инициативы, безусловно, является отсутствие практики реализации многих видов инициатив.

В частности, имеют место ситуации, когда граждане не пользуются своим правом законодательной инициативы, не инициируют проведение республиканских и местных референдумов, отзыв депутатов. Причины могут быть различными, но традиционно в науке упоминаются сложность процедуры или низкая политическая активность граждан. Полагаем, что первая причина является самой важной. Как уже отмечалось выше, реализация ряда коллективных инициатив требует соблюдения строгих правил организации и проведения сбора подписей в поддержку инициативы, предполагает возмещение заявителями всех материальных затрат, но заявители не имеют гарантий, что соответствующие предложения будут воплощены в реальности. Как правило, в качестве альтернативы коллективной публичной инициативе можно использовать индивидуальную инициативу – обращение в государственный орган или обращение к должностному лицу. Гражданам не обязательно создавать инициативную группу, вести сбор 50 тыс. подписей в поддержку законопроекта, когда один гражданин или группа граждан могут сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и направить их в форме обращения к депутату, а также направить их в министерство или в иные органы, обладающие правом законодательной инициативы.

Но в ряде случаев сама процедура выражения публичной правовой инициативы делает практически невозможной ее реализацию. Это утверждение в полной мере относится к инициированию местных референдумов.

В соответствии с ИК инициатива граждан по проведению местного референдума выражается в виде предложения, вносимого не менее чем 10 % граждан, обладающих избирательным правом и проживающих на соответствующей территории. Для сбора подписей необходимо создать инициативную группу, которая должна сформулировать вопрос, выносимый на референдум. Формулировка данного вопроса становится основным препятствием для проведения местного референдума.

Согласно ч. 2 ст. 112 ИК на местный референдум могут выноситься вопросы, имеющие важнейшее значение для населения соответствующих административно-территориальных единиц и отнесенные к компетенции соответствующих местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов. При этом на местный референдум не могут выноситься вопросы, которые запрещено выносить на республиканский референдум; вопросы, имеющие значение для Республики Беларусь в целом; вопросы, урегулированные законодательными актами; вопросы, связанные с назначением на должность служащего, утверждением в должности служащего или освобождением от должности служащего, относящиеся к компетенции местного исполнительного

и распорядительного органа либо его руководителя. На практике при инициировании местных референдумов волнующие граждан вопросы либо имеют значение для Республики Беларусь в целом, либо являются уже урегулированными законодательными актами, поэтому проведение местного референдума по данным вопросам невозможно.

Полагаем, что действующие нормы законодательства устанавливают излишне узкие рамки для вопросов, которые могут стать предметом обсуждения на местном референдуме. На данный момент такой вопрос либо подпадает под ограничения,

либо не имеет важнейшего значения и проведение референдума по нему не является обязательным. По этой причине считаем возможным рассмотреть введение альтернативы местному референдуму, предусматривающей упрощенную процедуру (например, онлайн-опросы общественного мнения), допуская исключительно консультативный характер решений.

Таким образом, реализация права на публичные правовые инициативы зависит от действий государства и самих граждан, наличия сформированных партнерских отношений.

Заключение

В условиях развития правового демократического государства особое значение приобретает право на публичные правовые инициативы, которое является элементом права на управление делами государства и объединяет в себе ряд прав на реализацию конкретных индивидуальных и коллективных инициатив публичного характера. Право на публичные правовые инициативы постоянно развивается, появляются новые формы таких инициатив, что подтверждает признание государством необходимости вовлечения граждан в решение вопросов республиканского и местного значения. Однако для повышения эффективности реализации данного права необходимо принять следующие меры:

1) обеспечить четкое закрепление процедуры реализации права на публичные правовые инициативы, исключая пробелы и правовую неопределенность в законодательстве. Способствовать упорядочению процедуры может обеспечение единообразия для реализации права на схожие публичные правовые инициативы;

2) рассмотреть возможность расширения субъектного состава по отдельным видам публичных инициатив. Так, право на направление гражданских

инициатив возможно распространить на граждан, достигших 16 лет и имеющих связь с соответствующей административно-территориальной единицей, в пределах которой планируется ее реализация. Право на инициирование проведения местного референдума допустимо предоставить гражданам Российской Федерации, постоянно проживающим в Республике Беларусь, которые обладают статусом избирателей на местных выборах;

3) активизировать процессы использования результатов цифровизации в процедуре реализации права на публичные правовые инициативы, а именно предусмотреть удаленную форму для получения подписей в поддержку конкретных коллективных инициатив, внедрить электронные формы инициатив, обеспечить возможность использования интернета для агитации граждан на реализацию всех видов публичных правовых инициатив;

4) расширить практику участия представителей общественности в реализации выраженных предложений, обеспечить осуществление принципа партнерских отношений между государством и обществом путем закрепления обязательности личной вовлеченности инициаторов и иных заинтересованных лиц в реализации конкретных инициатив.

Библиографические ссылки

1. Гуйда ЕП. Теоретико-правовые аспекты нормотворческой инициативы граждан. В: Бурый ВЕ, редактор. *Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика. Материалы Международной заочной научно-практической конференции; 20 мая 2016 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2016. с. 60–64.
2. Малько АВ, Агабекова ЛГ. Законодательная инициатива как особая разновидность правовой инициативы. *Юридическая наука*. 2016;6:34–38.
3. Антонова ОА. Законодательная инициатива граждан как форма участия в управлении делами общества и государства. *Вестник Прикамского социального института*. 2018;2:6–13.
4. Нагаева СК. Гражданские инициативы как субъект муниципальной социальной политики. *Стратегия устойчивого развития регионов России*. 2010;3:427–432.
5. Василевич ГА. Об активизации самоуправленческих начал в Республике Беларусь. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 26–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 20–26.
6. Василевич ГА, Василевич СГ. Правомерное поведение и злоупотребление правом. *Журнал российского права*. 2022;10:5–17. DOI: 10.12737/jrl.2022.101.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025.
Received by editorial board 24.02.2025.

УДК 34.09

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)

Н. М. КОНДРАТОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются законодательные основы и практика применения современных информационных технологий при проведении выборов в отдельных странах. Дается характеристика процедурным особенностям использования информационных технологий в практике проведения выборов в некоторых странах мира.

Ключевые слова: избирательный процесс; стадии избирательного процесса; электронная избирательная система; электронный сбор подписей; электронное голосование; дипфейки; искусственный интеллект.

ELECTION PROCESS IN THE ERA OF INFORMATION TECHNOLOGIES (FOREIGN EXPERIENCE OF LEGISLATIVE REGULATION)

N. M. KONDRATOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article deals with the legislative basis and practice of application of modern information technologies in conducting elections in some foreign countries. The procedural peculiarities of information technologies usage in the practice of holding elections in some countries of the world are characterised.

Keywords: election process; stages of election process; electronic election system; electronic collection of signatures; electronic voting; dipfakes; artificial intelligence.

Современные информационные технологии широко внедряются в избирательный процесс, позволяя участвовать в выборах онлайн, применять автоматизированные системы обработки бюллетеней, осуществлять биометрическую регистрацию избирателей, составлять биометрические списки избирателей, выдавая биометрические удостоверения, использовать системы онлайн-видеонаблюдения, веб-сайты, выполняющие функции прессы. Каждая страна находится на разных этапах внедрения новейших инфор-

мационных технологий в избирательный процесс. Изучение зарубежного опыта в рамках сравнительного анализа позволяет выявить эффективные модели используемых в избирательном процессе зарубежных государств информационных технологий и применить оптимальные жизнеспособные модели в организации избирательного процесса в Республике Беларусь.

Всеобщая декларация прав человека, одобренная Организацией Объединенных Наций в 1948 г.,

Образец цитирования:

Кондратович НМ. Избирательный процесс в эпоху информационных технологий (зарубежный опыт законодательного регулирования). *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:29–35. EDN: GRZTJK

For citation:

Kondratovich NM. Election process in the era of information technologies (foreign experience of legislative regulation). *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:29–35. Russian. EDN: GRZTJK

Автор:

Наталья Михайловна Кондратович – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Natallia M. Kondratovich, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law. kondratovichn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7053-5789>

в ч. 3 ст. 21 установила, что «воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»¹. Демократические выборы позволяют формировать органы государственной власти, органы местного самоуправления и через них реализовывать свое право на участие в управлении государственными и общественными делами, нивелировать социальные конфликты в обществе, а также максимально учитывать интересы различных социальных слоев и групп общества. Свободные демократические выборы в современном мире должны основываться на демократическом национальном законодательстве о выборах.

Избирательный процесс как политико-правовая категория – это урегулированная конституцией и законом деятельность государственных структур, избирателей, политических партий, общественных объединений по приготовлению и проведению выборов в государственные и муниципальные органы. Избирательный процесс в зарубежных странах регламентируется рядом нормативных правовых актов, в первую очередь конституцией государства. Конституции либо содержат специальную главу (раздел), посвященную избирательному праву, где закрепляются общие принципы избирательного права демократического государства (например, Конституция Республики Корея содержит гл. 7, которая называется «Выборы»), либо не содержат таковой. В этом случае данные принципы находят свое закрепление в главах конституции о выборах в представительные государственные органы и органы местного самоуправления различных уровней. Выборы представляют собой процедуру, предполагающую наличие совокупности стадий, действий, установленных законами и иными нормативными правовыми актами.

Исследователи в области конституционного права выделяют ряд стадий избирательного процесса: назначение выборов, формирование избирательных округов, создание избирательных органов, регистрация избирателей, выдвижение кандидатов, проведение агитационной кампании, голосование, подсчет голосов избирателей и установление итогов голосования, опубликование результатов. На большинстве из вышеперечисленных стадий в зарубежных странах используются информационные технологии. Следует заметить, что законодательство зарубежных стран по-разному регулирует возмож-

ность применения информационных технологий в избирательном процессе в целом и на отдельных стадиях в частности. При этом правовое регулирование всегда направлено на стабилизацию и упорядочивание общественных отношений.

Детальное правовое регулирование избирательного процесса на всех этапах является важной правовой гарантией проведения демократических справедливых выборов, отражающих истинное волеизъявление избирателей.

Электронная избирательная система – это совокупность информационных технологий, информационных сетей и средств их программно-технического обеспечения, предназначенных для автоматизации информационных процессов при подготовке и проведении выборов. Она используется для составления списков избирателей, выдвижения кандидата на выборную должность, голосования, установления итогов голосования, определения результатов выборов. В соответствии с Постановлением Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан от 18 ноября 2005 г. № 45/90 «Об утверждении Положения об обеспечении информационной безопасности электронной избирательной системы» электронная избирательная система должна быть обеспечена соответствующими мерами безопасности, исключающими несанкционированный доступ к информации, нарушение функционирования программно-технических средств сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и передачи информации, выведение указанных средств из строя. Несмотря на то что использование электронных систем несет в себе определенные риски (несоблюдение тайны голосования, ненадежная идентификация личности, нарушение информационной безопасности и др.), в современном мире наблюдается активная модернизация избирательного процесса в соответствии с развитием общества и активизацией использования новых технологий.

Законодательные меры всех стран отражают стремление адаптировать свою правовую систему к вызовам, создаваемым развивающимися цифровыми технологиями.

Так, информация об избирательном процессе Венгрии, в том числе о законах, определяющих порядок организации и проведения выборов, а также о решениях, принятых избирательными комиссиями, содержится на официальном сайте Национального избирательного бюро Венгрии. В соответствии с законом об избирательном процессе избирательная комиссия уполномочена вести такие сайты (параграф 76) и осуществлять информирование избирателей в других формах (параграф 75)². Смена избирательного участка, оформление запроса

¹Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=I04800004 (дата обращения: 07.02.2025).

²2013. évi XXXVI. Törvény a választási eljárásról [Electronic resource]. URL: <https://njt.hu/jogszabaly/2013-36-00-00.42#RE%C3%81LTAL%C3%81NOS> (date of access: 07.02.2025).

гражданина с инвалидностью о помощи, в том числе для голосования вне помещения для голосования, осуществляются через специальные приложения в интернете.

Порядок сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов на выборную должность имеет отличия в разных государствах. Так, законодательство ряда государств содержит требование, согласно которому сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов проводится исключительно в электронном виде либо в сочетании с традиционным сбором подписей избирателей на бумажном носителе (подписном листе или ином подписном документе). В других государствах электронный сбор подписей избирателей практиковался в качестве разовой электронной процедуры, проведение которой было связано с пандемией коронавируса (Исландия, Канада, Германия). В десяти государствах при проведении парламентских и (или) президентских выборов законодательно предусмотрена возможность сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов в электронном виде (полностью либо частично) с их последующей проверкой (Бельгия, Болгария, Грузия, Дания, Исландия, Канада, Литва, Румыния, Германия, Тунис).

Например, выдвижение кандидатов на выборную должность в Венгрии осуществляется путем сбора подписей избирателей в соответствии с законом об избирательном процессе. Этап выдвижения начинается с момента подачи запроса на купоны (венг. *ajánlói vet* – рекомендательное письмо), которые подлежат заполнению подписями (рекомендациями) граждан, в избирательное бюро, действующее при комиссии, ответственной за регистрацию. На выборах в парламент Венгрии кандидату, выдвинутому в округе, необходимо получить подписи 500 избирателей [1, с. 59]. Купоны являются документами строгой отчетности: их запрещено копировать и положено вернуть, если они оказались невостребованными. Избиратель вносит свою подпись в купон самостоятельно. Он также указывает свои персональные данные, в том числе фамилию, имя, адрес в Венгрии, персональный идентификационный номер. В 2022 г. стала доступна онлайн-проверка сведений, внесенных в купоны, благодаря которой каждый избиратель может определить, не использовал ли кто-либо из кандидатов или политических партий его данные для поддержки выдвижения без его ведома [2, с. 71].

В Литве в соответствии с Избирательным кодексом Литовской Республики при проведении парламентских выборов для сбора подписей избирателей в электронном виде применяется автоматизированная информационная система Центральной избира-

тельной комиссии Литовской Республики. Согласно п. 6 ст. 79 названного кодекса «избиратели могут поддержать кандидата или (и) список кандидатов своими подписями в электронной форме в порядке, установленном Центральной избирательной комиссией»³ (здесь и далее перевод наш – Н. К.).

В Бельгии при проведении выборов применяется автоматизированная информационная система Министерства внутренних дел и юстиции, в Дании – портал предоставления государственных услуг населению. Так, в Дании осуществлен переход к электронной авторизации избирателя и проведению автоматизированной проверки индивидуальных деклараций в рамках цифровой системы обработки персональных данных. С учетом этого обстоятельства при проведении парламентских выборов избиратель, желающий поставить свою подпись в поддержку списка кандидатов политической партии, независимого кандидата, должен первоначально зарегистрироваться (авторизоваться) на портале электронных государственных услуг, а затем практически без задержек получить электронное (при необходимости бумажное) подтверждение правомерности постановки им своей подписи.

В Болгарии в соответствии с законодательными поправками, внесенными в мае 2021 г. в Избирательный кодекс Республики Болгария, избиратель может поставить свою подпись в поддержку выдвижения списка кандидатов одной политической партии или политической коалиции не только на бумажном носителе⁴. Ему также доступна поддержка кандидатов посредством квалифицированной электронной подписи. При этом избиратели могут проверить на сайте Центральной избирательной комиссии Республики Болгария наличие своей подписи в подписных листах в поддержку любого списка кандидатов политической партии или политической коалиции. Впервые данная процедура была применена при проведении очередных выборов в парламент Болгарии 4 апреля 2021 г. Документы на регистрацию представили 31 политическая партия и 8 политических коалиций. Тогда отказ в регистрации списков кандидатов получили 6 политических партий, в том числе в связи с непредставлением подписей избирателей в электронном виде [3, с. 112].

В США ряд штатов инициировали разработку законодательства об электронной форме для сбора подписей (Аризона, Миссисипи, Миссури, Небраска, Юта), но не получили желаемого результата в связи с вынесением судами отдельных штатов решений о недопустимости использования процедуры сбора подписей в электронном виде. Первым штатом, который разработал и принял закон о сборе

³Lietuvos Respublikos rinkimų kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo konstitucinis įstatymas [Electronic resource]. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/418f26f0082b11edb4cae1b158f98ea5/asr> (date of access: 07.02.2025).

⁴Изборен кодекс на Република България [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cik.bg/upload/185784/> (дата обращения: 07.02.2025).

электронных подписей инициаторов, стал Массачусетс, где 29 апреля 2020 г. было принято законодательное решение о возможности сбора подписей в электронном виде, в частности, при проведении в штате четырех соответствующих народных, в том числе избирательных, кампаний в 2020 г. [3, с. 109].

Возможность внедрения процедуры сбора электронных подписей избирателей за выдвижение кандидатов при проведении парламентских и президентских выборов рассматривалась парламентами ряда государств (Австрия, Италия, Словения, Финляндия, Чехия). Однако это предложение не получило поддержки со стороны законодателя.

Предвыборная агитация – это деятельность, имеющая целью склонить избирателей к участию в выборах, голосованию за или против того или иного кандидата (партию) или против всех кандидатов. Предвыборная агитация регулируется законодательством, чтобы обеспечить честные и равные выборы.

Агитация в интернете весьма востребована в Венгрии и применяется на выборах уже на протяжении 25 лет. Изначально для ее проведения использовались сайты политических партий, рассылались электронные сообщения (особенно активно до 2006 г.). В настоящее время агитация происходит в виде общения с потенциальными избирателями через социальные сети (с 2010 г.) [1, с. 74].

СМИ принимают участие в избирательном процессе на всех его стадиях. Так, закон об информационных и коммуникационных сетях и защите информации Республики Корея предусматривает, что Национальная избирательная комиссия должна создать комиссию по вопросам освещения выборов в интернете и управлять ей для обеспечения публикации на веб-сайтах беспристрастных материалов (включая редакционные статьи, комментарии, фотографии, трансляции, видеоизображения) о выборах, предупреждения размещения недостоверной информации и информации клеветнического характера и ее опровержения.

В соответствии с п. 2 ст. 8-5 закона Республики Корея о выборах комиссия по вопросам освещения выборов в интернете должна состоять не менее чем из 11 комиссаров⁵. Состав комиссии должен быть одобрен политическими партиями, имеющими фракции в парламенте, корейской комиссией по телерадиовещанию, пресс-агентством арбитражной комиссии, Национальной избирательной комиссией Республики Корея, научными и академическими кругами, ассоциацией интернет-СМИ и общественными организациями.

Заинтересованное лицо, кандидат на выборную должность или политическая партия могут обратиться в комиссию с запросом опротестовать недостоверную информацию в течение 10 дней с момента ее выпуска в интернете. После получения запроса

комиссия должна сразу проверить достоверность спорной информации и в случае правомерности действий заинтересованного лица потребовать опровержения у соответствующего интернет-ресурса.

Интернет-СМИ должны стремиться анализировать предвыборные обещания кандидатов и политических партий и объяснять их суть, а также проверять, насколько эти обещания соответствуют реальным политическим взглядам кандидатов, сравнивать и сопоставлять позиции и предвыборные платформы различных кандидатов и политических партий, обращать внимание на неточности и недостоверную информацию в других интернет-ресурсах и требовать по этим вопросам опровержения [4, с. 412].

Законодательство зарубежных стран недостаточно регламентирует вопрос законности использования нейросетей в избирательном процессе. Из зарубежной практики можно привести пример, когда премьер-министр Индии Н. Моди использовал голограмму самого себя для проведения виртуальных митингов в нескольких местах во время выборов в нижнюю палату парламента. Благодаря этой технологии кампания Н. Моди смогла охватить десятки миллионов избирателей. Подобный прием ранее использовала правящая партия Турции в ходе представления кандидатов на пост мэра города Измир 26 января 2014 г. Тогда было продемонстрировано голографическое 3D-изображение действующего премьер-министра страны, а на сегодняшний день президента Турции Р. Эрдогана для политической агитации.

Существует множество способов использования нейросетей в предвыборных кампаниях, среди них анализ поведения избирателей в интернете, в том числе их моделей потребления данных, составление уникальных психографиков для создания профиля поведенческих моделей пользователей; отправка рекламных рассылок избирателям в зависимости от их ожиданий, которые выявлены на основе анализа, проведенного нейросетью; внедрение чат-ботов для взаимодействия с избирателями на тематических сайтах; генерация уникального контента (картинок, слоганов, видеороликов). Благодаря нейросетям могут появиться ресурсы для создания контента под каждую аудиторию. Однако без государственного надзора и регулирования быстро развивающийся искусственный интеллект может представлять реальную угрозу.

В России правительственная комиссия по законопроектной деятельности дала отрицательное заключение на инициативу ЛДПР, касающуюся использования в предвыборной агитации изображений или голоса, сгенерированных искусственным интеллектом. Законопроект об использовании искусственного интеллекта в предвыборной агитации депутаты от ЛДПР внесли в Государственную Думу

⁵Public official election act [Electronic resource]. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/%20lawView.do?hseq=38405&lang=ENG (date of access: 07.02.2025).

Федерального Собрания Российской Федерации в октябре 2023 г. Они предложили внести поправки в ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав», регулируюшую правила агитации, в частности, добавить пункт, согласно которому «ограничения и запреты, установленные настоящей статьей, не распространяются на использование... изображения и (или) голоса (синтезированной речи), созданного с помощью технологий искусственного интеллекта». Но ранее Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении указал на то, что «специальное регулирование осуществления предвыборной агитации направлено прежде всего на то, чтобы не допустить возможность формирования у избирателей искаженного представления о кандидате, а также на обеспечение равенства прав кандидатов и защиту прав и интересов граждан, не являющихся кандидатами»⁶. Подход, допускающий использование «изображений любых физических лиц без их письменного согласия в агитационных материалах в случае, если такое изображение создано с помощью технологий искусственного интеллекта», не согласуется с принципом неприкосновенности частной жизни⁷.

Проблемы расширения применения и воздействия искусственного интеллекта на виртуальную реальность обсуждаются главным образом на техническом уровне, в то время как в среде правоведов, экспертов по выборам правовые вызовы экспансии искусственного интеллекта, его влияния на демократию и избирательный процесс не получили достаточно широкого обсуждения.

Законодательство США, регламентирующее правила использования и распространения дипфейков, впервые было принято на уровне отдельных штатов. Так, в сентябре 2019 г. в штате Техас был принят закон, запрещающий распространение видеодипфейков, вводящих в заблуждение, направленных на нанесение ущерба политическим кандидатам или оказывающих влияние на избирательную систему, в течение 30 дней, предшествующих выборам. В настоящий момент на рассмотрении Конгресса США находится закон об ответственности за дипфейки⁸. Законопроект направлен на защиту национальной безопасности от угроз, исходящих от технологии «дипфейк», а также на обеспечение правовой защиты жертв вредоносных дипфейков. Если законопроект будет принят, он потребует от создателей маркировать все дипфейки, загружаемые на интернет-платформы, и делать прозрачными все изменения, внесенные в видео или другой тип контента.

Согласно законопроекту, онлайн-платформы, на которых размещается генеративный ИИ контент, также должны будут показывать происхождение этого контента [5, с. 223].

С 10 января 2023 г. в Китае действует закон о дипфейках, который содержит три основных правила. Во-первых, необходимо, чтобы отдельные лица дали свое согласие на использование их изображения в видеодипфейке. Во-вторых, нельзя применять технологию «дипфейк» для распространения ложных новостей. В-третьих, запрещено использование любого контента, который противоречит действующим законам, наносит ущерб имиджу страны и ее национальным интересам или ставит под угрозу национальную безопасность, а также подрывает экономику. Кроме того, в соответствии с упомянутым законом необходимо делать специальную отметку на видеоконтенте, использующем дипфейк. С одной стороны, закон позволяет китайскому правительству сохранять контроль над использованием дипфейков, с другой – оставляет частным компаниям возможность извлекать выгоду от использования этой технологии. Однако любая компания, желающая производить дипфейки, должна пройти аудит безопасности.

В 2020 г. в Республике Корея был принят закон, согласно которому распространение дипфейков, способных нанести вред общественным интересам, является незаконным. Нарушителям грозит до пяти лет тюремного заключения или штраф в размере до 50 млн вон (около 43 тыс. долларов США).

Стремительное развитие и расширение сферы применения дипфейков, доступность и простота использования самой технологии ввиду появления в широком доступе большого количества различных инструментов для быстрого и удобного создания разнообразного дипфейк-контента привели к росту противоправного использования и появлению новых способов манипуляций с помощью синтетического контента. Дипфейки широко используются для политической дезинформации. Однако данная технология может применяться с пользой. Все вышесказанное подчеркивает необходимость соответствующего правового регулирования в данной сфере и ставит перед законодателем трудную задачу: с одной стороны, закрепить систему правил использования дипфейков и ввести ответственность за нарушение этих правил, с другой – не создать преграду для развития технологии в целом или не запретить полностью ее использование [5, с. 236].

Под электронным голосованием (*e-voting*) понимают различные виды голосования, при которых

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляскина Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 9.1 статьи 62 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1226-o/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁷ Там же.

⁸ Deepfakes accountability act HR5586 [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/5586/text> (date of access: 07.02.2025).

используются технические электронные средства голосования и технические электронные средства подсчета голосов, т. е. электронную демократию и электронное голосование объединяет процесс голосования и подсчета голосов с использованием телекоммуникационных средств [6, с. 32]. Применение системы электронного голосования должно отвечать требованиям надежности, точности и эффективности.

По подсчетам специалистов, общее население стран, применяющих электронное голосование на выборах и уже имеющих соответствующий опыт, составляет более 2 млрд человек [4, с. 77].

В соответствии с новой рекомендацией Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О стандартах электронного голосования», принятой 14 июня 2017 г., целями электронного голосования являются разрешение избирателям регистрации своего избирательного права с места, отличного от избирательного участка в их избирательном округе; облегчение регистрации своего избирательного права; содействие участию в выборах и референдумах граждан, имеющих право голоса и проживающих или находящихся за границей; расширение доступа к избирательным участкам для избирателей, страдающих инвалидностью или не имеющих возможности лично дойти до избирательного участка и использовать находящиеся там средства; увеличение явки избирателей посредством предложения новых способов выражения воли; адаптация выборов к эволюции общества и более широкому использованию новых технологий в качестве средства общения и участия в гражданской жизни в целях продвижения демократии; постепенное снижение общей стоимости организации выборов или референдума для избирательных органов; более быстрое и надежное предоставление результатов опроса; предоставление избирателям лучшего сервиса. Правительствам государств-членов рекомендуется уважать все принципы, применимые к демократическим выборам и референдумам, когда они вводят национальные законодательные положения и практические меры в области электронного голосования⁹.

Эстония с 2005 г. начала использовать электронное голосование на местных выборах. Ее граждане стали первыми в мире избирателями, которые смогли проголосовать дистанционно с использованием интернета. Эта система получила развитие в 2007 г., когда граждане смогли посредством интернет-голосования избрать парламент страны, а в 2009 г. состоялись вы-

боры кандидатов в Европарламент. Для голосования необходима ID-карта с электронной цифровой подписью. Сегодня она есть у любого гражданина страны [7].

В Казахстане существуют некоторые особенности проведения выборов с использованием электронной избирательной системы. Голосование в стране происходит в соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан». Электронное голосование осуществляется избирателем посредством заполнения электронных избирательных бюллетеней в кабине для тайного голосования, в которой запрещается присутствие иных лиц, кроме голосующего, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Совершенно очевидно, что при внедрении системы электронного голосования повышаются требования к достоверности полученных результатов, прозрачности аудита, безопасности. При использовании такой процедуры электронного голосования появляется ряд проблем и рисков, в том числе определенные противоречия, возникающие при реализации принципов равного избирательного права, тайны голосования, обеспечения законности и проверяемости результатов голосования, а также при определении итогов выборов. Вместе с тем полагаем, что использование удаленного электронного голосования является наиболее перспективным направлением развития электоральной демократии [8, с. 156–157].

Внедрение новых информационных технологий существенным образом упрощает избирательный процесс, но одновременно оно требует четко разработанных гарантий реализации конституционных принципов.

Исследования показывают, что фальсификации в сочетании с таргетированием могут использоваться для манипулирования политическими мнениями пользователей. В целях нивелирования данного риска следует внести изменения в избирательные законы в части введения запрета на использование дипфейков в политической рекламе, в том числе в предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума.

Законодатель должен установить правила, которые будут поддерживать соблюдение законов, справедливости, обеспечивать инклюзию интеллектуальных ресурсов, их безопасность и надежность. Обеспечение условий развития инноваций при минимизации рисков является сложнейшей задачей для современных государств.

Библиографические ссылки

1. Бурова АН, Ведяшкин СВ, Макарец АА, Сенникова ДВ, Юсубов ЭС. *Современные избирательные системы. Выпуск 18. Венгрия, Казахстан, Тунис*. Москва: РЦИОИТ; 2023. 496 с.
2. Ведяшкин СВ, Сенникова ДВ, Юсубов ЭС. Избирательное право и процесс в России и Венгрии: сравнительно-правовой анализ. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2024;4:67–75.

⁹Recommandation CM/Rec (2017)5 du Comité des Ministres aux Etats membres sur les normes relatives au vote électronique [Electronic resource]. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680726f6a (date of access: 07.02.2025).

3. Лысенко ВИ. Зарубежная практика сбора подписей избирателей в электронном виде. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2024;4:102–123.
4. Орлов АГ, Мещерякова МА, Павлов СЯ, Кузнецова ТО. *Современные избирательные системы. Выпуск 8. Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея*. Москва: РЦОИТ; 2013. 488 с.
5. Виноградов ВА, Кузнецова ДВ. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк». *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024;17:215–240.
6. Курячая ММ. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии. *Конституционное и муниципальное право*. 2017;11:31–35.
7. Кондратович НМ. Правовое регулирование информационных технологий в избирательном законодательстве отдельных стран. В: Голубева ЛЛ, редактор. *Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераёмнасць, стан і перспектывы. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 17–18 кастрычніка 2024 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2024. с. 195–201.
8. Кондратович НМ. Информационные технологии в избирательном процессе зарубежных стран. В: Василевич ГА, редактор. *Ценностные ориентиры современной Конституции Республики Беларусь (к 75-летию профессора М. Ф. Чудаква). Материалы круглого стола; 29 марта 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2024. с. 149–158.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2025.
Received by editorial board 11.02.2025.

УДК 342.41 342.722 342.8 342.34 342.31

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ НОВЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ И ПУБЛИЧНОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ

И. А. КРАВЕЦ¹⁾

¹⁾Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, 630090, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Анализируются особенности природы латиноамериканского конституционализма, традиции и инновации в конституционном развитии субконтинента, рассматривается международная дискуссия о народном суверенитете, конституирующей власти и демократическом участии в иберо-американском конституционном праве. Отмечается, что конституционные реформы в последней четверти XX – первой четверти XXI в. привели к появлению партисипативных институтов, активному использованию форм делиберативной и императивной демократии, расширению систем демократического участия граждан в конституционных изменениях. Новые институты стали сосуществовать с традиционными представительными институтами демократического правления. С учетом международной дискуссии в исследовании констатируется, что латиноамериканский конституционализм, не завершивший переход к демократическому правлению, отличается нестабильным характером.

Ключевые слова: новый конституционализм; Латинская Америка; участие граждан; конституционные изменения; конституирующая власть.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (проект «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

LATIN AMERICAN NEW CONSTITUTIONALISM AND DEMOCRATIC PARTICIPATION IN CONSTITUTIONAL CHANGES AND PUBLIC DELIBERATION

I. A. KRAVETS^a

^aNovosibirsk State University, 1 Pirogova Street, Novosibirsk 630090, Russia

Abstract. The author of the article analyses the peculiarities of Latin American constitutionalism nature, traditions and innovations in the constitutional development of the continent, reveals the international discussion on popular sovereignty, constituent power and democratic participation in Ibero-American constitutional law. The author notes that constitutional reforms in the last quarter of the 20th century and the first quarter of the 21st century led to the emergence of participatory institutions, the active use of forms of deliberative and imperative democracy, and the expansion of systems of democratic participation of citizens in constitutional changes. New institutions coexist alongside traditional representative institutions of democratic government. The author believes, participating in the international discussion, that Latin American constitutionalism is unstable in nature and an incomplete transition to democratic government.

Образец цитирования:

Кравец ИА. Латиноамериканский новый конституционализм и демократическое участие в конституционных изменениях и в публичной делиберации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:36–45. EDN: BZRSUR

For citation:

Kravets IA. Latin American new constitutionalism and democratic participation in constitutional changes and public deliberation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:36–45. Russian. EDN: BZRSUR

Автор:

Игорь Александрович Кравец – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права.

Author:

Igor A. Kravets, doctor of science (law), full professor; head of the department of constitutional and municipal law, leading researcher, Institute for the philosophy and law. kravigor@gmail.com

Keywords: new constitutionalism; Latin America; citizen participation; constitutional changes; constituent power.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (project «Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)»).

Введение

Конституционализм все чаще рассматривается как многомерное явление с территориальной спецификой и аксиологической константой, которая может иметь вариации иерархии и предпочтений конституционных ценностей, отражающие культурную, геополитическую, историческую, духовную традицию.

Область сравнительного конституционного права и сравнительного конституционализма находится в динамическом развитии и завоевывает свое место в системе юридического образования, показывая важность знаний о конституционном опыте различных стран и регионов в условиях международного сотрудничества и международного противостояния различных государств. Создаются национальные модели преподавания конституционной компаративистики, которые требуют учитывать специфику общего и особенного в конституционном праве и конституционализме, новые контексты международного сотрудничества и интеллектуального влияния [1, с. 5; 2, с. 72]. Конституционную компаративистику правомерно рассматривают «как универсальный ресурс современного юридического образования» [3, с. 50]. Данный интеллектуальный конституционно-правовой ресурс в условиях сотрудничества со странами Латинской Америки в XXI в. приобретает важное геополитическое значение.

Исследователи моделей конституционализма в современном мире отмечают, что само многообразие моделей сформировалось благодаря факторам права, истории, культуры, традиции и публичной этики. В борьбе за многополярный мир происходит дальнейшая диверсификация конституционализма, которая имеет несколько параметров измерения (территориальную и географическую специфику, разнообразие моделей конституционной идентичности, национально-именное своеобразие, степень вовлечения и формы участия общественности в конституционных изменениях, вид государственного режима [4, с. 42–43].

В научной литературе предлагается рассматривать взаимосвязь права и власти в качестве динамической основы установления конституционализма [5, с. 4]. Отношение к публичной власти и особенно к власти главы государства как к политическому ресурсу конституционной модернизации

отличает страны Латинской Америки. Такая власть является гипертрофированной в конституционной системе правления и может идти на нарушение действующего правового порядка, в том числе порядка принятия новой конституции или конституционных поправок, если они вызваны жизненной необходимостью укрепления власти президента, упрочения популистских обещаний и мобилизации народных масс на поддержку государственного режима.

Обращаясь к конституционализму как планетарному явлению, обладающему своей спецификой на глобальных юге, севере, западе и востоке, важно увидеть общие и отличительные черты, которые формируют традиции и инновации в конституционном праве различных стран и регионов [6–8]. Страны Латинской Америки чаще всего относят к региону Глобального Юга (Центральная Америка и Южная Америка).

Нередко исследователи обращают внимание на опыт работы «живой конституции» и судебного конституционализма в России и США, что имеет под собой определенные идейные и интерпретационные истоки [9, с. 46–47]. Развитие международного сотрудничества в рамках БРИКС (где участвуют Россия как член-учредитель (с 2009 г.) и Беларусь как страна – партнер БРИКС (с 2024 г.)) позволяет проводить научные исследования и строить культурный и конституционный диалог со странами Латинской Америки, где региональным лидером признается Бразилия (член – учредитель БРИКС (с 2009 г.)).

Конституционное право, как и конституционализм в Латинской Америке «представляет собой мозаику национальных историй, политических экспериментов и институциональных переходов»¹ [10, р. XV]. Страны региона и их конституционные системы отличаются друг от друга, тем не менее «можно обнаружить немалый набор общих черт, которые выходят за рамки чисто географической смежности этих стран» [10, р. XV].

Иберо-американский конституционализм имеет колониальное прошлое. В регионе долгое время господствовали военные диктатуры или авторитарные режимы [11]. Сложность понимания конституционного процесса в Латинской Америке заключается в том, что регион только «кажется однородным, на самом деле он институционально очень разнообразен»,

¹Здесь и далее перевод наш – И. К.

при этом существует огромный «разрыв между законом в книгах и законом в действии» [12, р. VIII].

Страны Латинской Америки испытали влияние тренда на конституционное и политическое вовлечение в публичное пространство и конституционное развитие. Тренд на конституционную инклюзию в современном сравнительном конституционном праве привлекает особое внимание исследователей по всему миру. Научный интерес к данной тенденции проявляют конституционалисты из России и Беларуси, что показывает общность научных взглядов и международный интерес к участию граждан в конституционных изменениях. Например, в работах российских ученых исследованы опыт конституционного участия граждан в реализации учре-

дительной власти в Исландии и Ирландии [13; 14], развитие института гражданских ассамблей и других форм участия граждан в Новом и Старом Свете [15, с. 40]. В белорусской конституционно-правовой науке рассматривается участие граждан в разработке конституции и конституционных поправок (на опыте Франции, Люксембурга, Ирландии, Исландии) [16, с. 34]. В международных исследованиях для понимания специфики, нормативных и институциональных механизмов конституционных изменений (с использованием компаративной методологии) сообществом конституционалистов создаются общие научные основы участия граждан в конституционных изменениях и публичной делиберации [17, р. 1–6; 18].

Конституирующая власть в латиноамериканском конституционализме и проблема демократического участия: традиции и инновации

В большинстве случаев собственный опыт конституционного развития появился у стран Латинской Америки в первой половине XIX в. в результате борьбы с колониальными державами (Испанией и Португалией) и обретения независимости. Первые конституции, возникшие в эпоху освобождения от колониальной зависимости европейских держав, оказывались под бременем колониального прошлого. Рассматриваемый субконтинент отличаются присутствием значительной конституционной нестабильности, принятие множества конституций и проведение конституционных экспериментов, имеющие место с момента обретения государствами независимости. В XIX в. в Латинской Америке не наблюдались принятие и распространение демократических конституций. Первые из них появились только в XX в. в ходе демократической борьбы с неравенством и колониальным прошлым после демократического перехода либо в ходе демократического транзита от авторитарных режимов или военных диктатур. Как отмечает председатель Верховного федерального суда Бразилии профессор Л. Р. Баррозу, за 200 лет конституционного развития «некоторые факторы присутствовали повсеместно, влияя на множественный конституционный опыт континента и согласуя его» [19, р. V–VI]. В качестве наиболее значимых из этих факторов ученые называют авторитаризм и институциональную нестабильность, проявляющиеся в гражданских или военных диктатурах, государственных переворотах и постоянной угрозе военного вмешательства; гиперпрезидентство (суперпрезидентство) в структуре государственного правления и конституционной системы в целом; патримониализм и коррупцию, последствия ненад-

лежащего разделения публичной и частной сфер правового регулирования; колоссальное социальное неравенство, которое в течение длительного времени поощрялось требованием минимального дохода для голосования или запретом на участие в политической жизни неграмотных граждан [19, р. VI].

Многообразие конституционного опыта и нестабильность иберо-американского конституционализма отражают большое количество конституций, принятых за двухвековую историю конституционного развития. По количеству принятых конституций лидируют Доминикана (34 конституции, действующая Конституция 2015 г.), Венесуэла (26 конституций, действующая Конституция 1999 г.), Гаити (24 конституции, действующая Конституция 1987 г.), Эквадор (20 конституций, действующая Конституция 2008 г.). Более десяти конституций приняли Боливия (17 конституций, действующая Конституция 2009 г.), Гондурас (14 конституций, действующая Конституция 1982 г.), Никарагуа (14 конституций, действующая Конституция 1987 г.), Эль-Сальвадор (14 конституций, действующая Конституция 1983 г.), Перу (12 конституций, действующая Конституция 1993 г.). Менее десяти конституций приняли Колумбия (10 конституций, действующая Конституция 1991 г.), Чили (10 конституций, действующая Конституция 1980 г.), Гватемала (9 конституций, действующая Конституция 1985 г. в редакции 1993 г.), Коста-Рика (9 конституций, действующая Конституция 1949 г. в редакции 2003 г.), Бразилия (7 конституций, действующая Конституция 1988 г.), Мексика (7 конституций, действующая Конституция 1917 г.), Аргентина (6 конституций, действующая Конституция 1853 г. с многочисленными поправками, последние внесены в 1994 г.)², Парагвай (6 конституций,

²Существует несколько позиций о характере конституционной реформы 1994 г. в Аргентине. Одни авторы утверждают, что появилась новая Конституция 1994 г. [20, с. 102], другие полагают, что произошла реформа Конституции 1853 г. со значительными содержательными изменениями [21, с. 197; 22, с. 8]. Для этого есть правовые основания: изменения были внесены в 89 из 110 статей прежней конституции, появились 19 новых статей, которые содержали коренные изменения, в том числе отражали тренд на конституционное и публично-правовое вовлечение граждан страны. Эти факты дают основание считать, что появилась Конституция 1994 г. (как новая редакция Конституции 1853 г.).

действующая Конституция 1992 г. в редакции 2011 г.), Уругвай (6 конституций, действующая Конституция 1966 г., восстановленная в 1985 г., в редакции 2004 г.), Куба (5 конституций, действующая Конституция 2019 г.), Панама (4 конституции, действующая Конституция 1972 г. в редакции 2004 г.), Пуэрто Рико (2 конституции, действующая Конституция 1952 г.)³. В литературе указывается и на 7 конституций Уругвая, в этом случае считается, что реформа 1996 г. была значительной. Однако официально на сайте парламента страны действующей конституцией признается Конституция Восточной Республики Уругвай (Конституция 1967 г. с поправками, одобренными плебисцитами 26 ноября 1989 г., 27 ноября 1994 г., 8 декабря 1996 г. и 30 октября 2004 г.).

Самое продолжительное время в Латинской Америке действовала Конституция Мексиканской Республики 1917 г., которая претендует на второе место по конституционному долгожительству в мировом масштабе (первое занимает Конституция США 1787 г.).

По данным латиноамериканских конституционалистов, с момента обретения независимости и до сегодняшнего дня «страны Латинской Америки отредактировали более 250 конституций» [19, р. VI], многие из которых оказались недолговечными. Этот показатель замены конституций наиболее высокий в мире по сравнению со странами Северной Америки, Европы и Азии.

Темпы принятия новых конституций в данном регионе снижаются в последней четверти XX – первой четверти XXI в. Большая часть конституций, принятых с момента обретения независимости, приходится на начало XX в. А в период 1978–2017 гг. в регионе было принято только 18 новых конституций [23, р. 1–2], однако и этот показатель является высоким.

Исследования процессов замены конституций и внесения конституционных поправок в странах Латинской Америки показали, что существуют некоторые закономерности. Во-первых, конституции заменяются, когда они «не работают в качестве структур управления или когда их конструкция не позволяет конкурирующим политическим интересам приспособляться к меняющейся среде» [24, р. 749]. В этом случае конституционная замена знаменует политическое решение воссоздать базовую правовую структуру государства, однако частая замена свидетельствует о неустойчивости правовых и политических основ демократии в государстве, о незавершенности перехода к демократическому правлению. Страны с высокими частотой и скоростью замены конституций имеют неустойчивый характер конституционализма и незавершенный переход к демократическому режиму.

Во-вторых, с большей вероятностью конституции будут заменяться при частом возникновении консти-

туционных кризисов, вызванных необоснованными притязаниями на власть, нестабильностью партийной системы, «когда политические игроки не имеют возможности осуществлять изменения посредством поправок или судебного толкования либо когда конституционный режим имеет структуру, концентрирующую власть» [24, р. 749–750]. Конституционные поправки как стратегия конституционных изменений представляют собой механизмы правовой адаптации, которые сохраняют преемственность конституции в изменяющейся среде, поэтому многие страны Латинской Америки, стремящиеся в демократической и социальной стабильности, в последние 25–30 лет выбирают путь внесения поправок (Мексика, Бразилия, Колумбия и др.).

В-третьих, частота внесения поправок зависит как от объема и степени детализации конституции, так и от жесткости процедуры внесения поправок и ее взаимодействия с фрагментацией партийной системы. Надо отметить, что большинство латиноамериканских конституций имеют огромное количество статей (например, в Конституции Эквадора более 400 статей). По данному показателю их опережает только Конституция Индии 1950 г. Поэтому конституционные изменения, осуществляемые через внесение поправок в конституцию, казалось бы, наиболее приемлемы для стран Латинской Америки.

Исследование участия народа в конституционных изменениях в конце XX – первой четверти XXI в. в Колумбии (конституция принята в 1991 г.), Венесуэле (конституция принята в 1999 г.), Эквадоре (конституция принята в 2008 г.) и Боливии (конституция принята в 2009 г.), показало необходимость разработки доктрины экстраординарной (чрезвычайной) адаптации (*theory of extraordinary adaptation*) [25, р. 123] для объяснения латиноамериканской специфики. Автор исследования использовал термин «народный» для обозначения процессов создания конституций, «в которых мнимая власть народа имела значительное влияние на процесс, особенно при использовании конституирующей власти для оправдания нарушения закона» [25, р. 13]. Потребность в конституционных изменениях вызвала к жизни новые учредительные процессы с серьезными преобразованиями и с определенной демократизацией публичной сферы в Гватемале в 1985 г., Бразилии в 1988 г., Перу в 1993 г.

Страны Латинской Америки относятся к странам со средним уровнем экономического развития, хотя и различаются между собой по социально-экономическим показателям и реальному экономическому весу на субконтиненте [26, с. 4]. В России и Беларуси сохраняется (из советского прошлого) и получает новые импульсы для развития традиция изучения и исследования конституционно-правовых институтов, государственно-правовых и политических систем

³ Действующая Конституция закрепила статус ассоциированной с США территории.

латиноамериканских государств. Конституционное развитие стран этого региона всегда включалось в предмет сравнительного конституционного права или конституционного права зарубежных стран в российской и белорусской науке [26; 27, с. 3–19].

Современный народный конституционализм признает народ начальным и конечным источником публичной власти и для принятия конституции, и для внесения конституционных изменений. Однако возникающий при народном участии вопрос о том, кто такой народ в конституционно-правовом смысле, заставляет задуматься о сложных вопросах юридического признания и закрепления за ним различных форм участия в конституционных изменениях.

Несмотря на то что конституционная народная инклюзия становится с начала XXI в. международным трендом в процессах конституционного дизайна, а также создания и изменения конституций, существует критическое осмысление народного участия, связанное с усилением влияния популистских идеологий и механизмов конституционной мобилизации масс. Ученые видят двойственность народного участия: с одной стороны, существуют преимущества и достижения, с другой – имеют место риски прямой демократии, злоупотребления при использовании институтов прямой демократии, подрыва господства права и конституционной законности при применении технологий непосредственного участия граждан. В исследованиях иберо-американского конституционализма происходит осмысление рисков прямой демократии и использования ее институтов [11, р. 9–11].

Демократическое участие народа (на основе императивных и делиберативных инструментов) становится сравнительно новым конституционно-правовым институтом, который не только достаточно активно используется в латиноамериканских государствах, но закрепляется в новых конституциях при переходе к демократии и создании элементов открытого правительства (как, например, в Бразилии). Бразилия не только приняла демократическую конституцию в 1988 г., но и сформировала на ее основе «инфраструктуру демократического участия» [28, р. 155].

Федеральная конституция Бразилии 1988 г. разрабатывалась как «гражданская конституция» (*Constituição Cidadã*) [29, р. 1169]. Она базировалась на духе и ценностях веры в построение справедливого демократического государства и достижение солидарности. Данная конституция переняла ряд положений из таких источников, как Конституция Мексиканской Республики 1917 г. и Веймарская конституция 1919 г. [30]. Она разрабатывалась с учетом гражданских конституционных инициатив (предло-

жений граждан) для Национального учредительного собрания. В 1987 г. бразильцы представили в Национальное учредительное собрание 122 народные поправки в конституцию, которые были поддержаны более чем 12 млн подписей. Народные поправки появились на фоне общенациональной кампании за народное участие. Эффект народного конституционализма, проявивший себя в ходе создания «гражданской конституции» Бразилии, оказал влияние на конституционное развитие региона и процесс дальнейшего создания инфраструктуры демократического и делиберативного участия граждан. Народ Бразилии стремился своим участием выразить надежды и чаяния на конституционное будущее страны, тем самым отодвигая опыт бразильской диктатуры в прошлое. По мнению Д. МакДональда, «народные поправки противопоставили произвольному авторитаризму бразильской военно-гражданской диктатуры (1964–1985) конституционализм, при котором рядовые бразильцы будут защищать демократию посредством народного участия в управлении» [31, р. 619–620].

Бразильская модель делиберативного участия постепенно становится краеугольным камнем демократической архитектуры Бразилии. Она основана на положениях конституции страны. Первоначальный текст ст. 193, на которую, как правило, ссылаются как на юридическое основание делиберативного конституционализма в Бразилии, ничего не говорил об участии общественности в формировании демократической политики и провозглашал, что «общественный порядок основан на примате труда, а его целями являются социальное благополучие и справедливость». Эта статья была дополнена единственным абзацем (поправка к Конституции № 108 от 2020 г.), который стал закреплять расширенные формы демократического участия граждан, после чего стала рассматриваться как основной столп бразильской демократии («государство будет осуществлять функцию планирования социальной политики, обеспечивая, в соответствии с законом, участие общества в формулировании, мониторинге, контроле и оценке этой политики»⁴).

Институциональные инновации в сфере демократического участия, конституционного и (шире) публичного права определили вектор развития латиноамериканского конституционализма как субрегионального феномена критическим осмыслением конституционных процессов [32; 33]. Инновации конституционно-правового и политического характера привели к частичному оздоровлению публичной сферы после перехода стран к демократическому правлению, однако не ликвидировали значительное неравенство, эрозию господства права и укрепили

⁴Constituição Federal de 1988 atualizada até a Emenda Constitucional nº 134/2024 [Electronic resource]. URL: https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/legislacao/constituicao1988/arquivos/ConstituicaoTextoAtualizado_EC%20134.pdf (date of access: 20.01.2025).

участие коренных жителей в политическом процессе, признав за ними определенные права.

Странам Латинской Америки свойственно распространение и характерное влияние на конституционные процессы и публичную политику леворадикальной и консервативной идеологии. В области понимания конституирующей власти соперничают две концепции и соответствующие им тенденции: конституционный легализм и учредительный радикализм, которые в различной комбинации определяют судьбу процессов создания, изменения и смены конституций.

Региональным лидером в сфере конституционной инклюзии и создания инфраструктуры участия в конце XX – начале XXI в. стала Бразилия, а инклюзивный поворот и расширение форм и сфер демократического участия охватывает многие страны Латинской Америки [34, р. 3].

В первой четверти XXI в. (с предпосылками, возникшими в последней четверти XX в.) сформировалась устойчивая тенденция конституционного вовлечения граждан в процесс создания новых конституций и принятия конституционных поправок, обсуждения и принятия важных для общества и государства решений на основе демократической и делиберативной инклюзии. Хотя конституционная инклюзия имеет различные параметры и степень вовлечения граждан на различных этапах подготовки и принятия новых конституций, она приобретает в новом тысячелетии глобальное значение и имеет специфику в государствах Латинской Америки.

Некоторые исследователи полагают, что доктрина и практика использования народного суверенитета и конституирующей власти в Латинской Америке представляет собой двухсторонний процесс: к традиции навязывания народу конституции со стороны правящего президента, партии или хунты добавляется демократическое участие граждан снизу по вопросам конституционных изменений. Новаторский подход в практике и в ее изучении демонстрирует новые возможности и реальные конституционные инновации, а именно использование для изучения социальных движений «двухстороннего подхода, т. е. сочетания стратегий “снизу вверх” и “сверху вниз” для объяснения возрождения движений, которые перерисовывают политический ландшафт региона» [35, р. 1–2].

Э. Бетансес и К. Ф. Ибарра называют появление демократии снизу в конституционных процессах латиноамериканского региона наиболее революционным компонентом новых противоречивых политических процессов, происходящих в Латинской Америке. Они обосновывают необходимость дальнейшего развития партиципативной демократии, основанной на учредительной власти, а также расширения народного суверенитета [35, р. 1–13] в та-

ких государствах, как Венесуэла, Боливия, Бразилия, Аргентина, Мексика и Доминикана.

Конституирующая власть и народный суверенитет могут использоваться в целях легитимации нового срока президента, если такой не предусмотрен в конституции страны, тем самым возвращая в структуру правления идеологию популизма для нарушения конституционного правопорядка. Пример Гондураса показывает, что либеральная концепция демократии может повлиять на политические события в стране, однако не может обеспечить реальный демократический процесс, если военные не соблюдают принципы господства права и вовлечения граждан в конституционный процесс, хотя и действуют по постановлению верховного суда. Так, 14 марта 2009 г. М. Селайя захотел вновь баллотироваться на пост президента страны. Конституция 1982 г. ограничивает срок президентства четырьмя годами без права на переизбрание. Тогда М. Селайя запланировал на 28 июня 2009 г. конституционный референдум, не предусмотренный конституцией, для того чтобы ее изменить. Эти действия привели к конституционно-политическому кризису и аресту М. Селайи по постановлению верховного суда. Обращение к мнению граждан через конституционный референдум, не предусмотренный конституцией («чтобы гондурасский народ мог выразить свое согласие или несогласие с инициированием учредительного процесса») в литературе рассматривается как позитивный пример [35, р. 5]. Однако процесс даже не начался, потому что гондурасские военные и доминирующая элита свергли президента М. Селайю в июне 2009 г.

Другой пример породил чилийский конституционализм. Следует отметить, что конституционные изменения могут происходить в условиях демократического и авторитарного политического режима с различной степенью допуска граждан к участию в разработке и принятию проекта новой конституции. Замена конституции или значительные конституционные поправки могут усиливать демократию и повышать степень стабильности государственного правления. Однако, как показывает опыт Чили, замена конституции может усиливать режим военной диктатуры и личную власть президента. Как отмечает Х. Л. Герреро Бекар, Конституция Чили 1980 г. «была принята военной диктатурой, управлявшей Чили в 1973–1990 гг.» [36, с. 81]. В такой же степени нельзя исключать возможность более сложной ситуации, когда демократические перемены приводят к конституционным изменениям и разработке проекта новой конституции, принятие которой становится невозможным из-за серьезных общественных разногласий и конфликта новых и старых ценностей (например, об этом свидетельствуют события, произошедшие в Чили в 2022 и 2023 гг.).

Возникшая в период военной диктатуры проблема легитимности Конституции Чили 1980 г. отвечает

на вопрос, почему в стране существует настойчивое требование заменить Основной Закон после редемократизации публичной сферы и конституционного права. Данное требование, основанное на нелегитимности происхождения конституции 1980 г., сосуществует с реальными процессами редемократизации и внесения конституционных поправок, поэтому, по мнению исследователей, «чилийцы должны гордиться тем, что построили полноценную демократию, несмотря на ограничения конституции, направленной на создание защищенной демократии под военной опекой» [37, р. 485]. Как отмечает автор, «чилийские политики продемонстрировали свою способность установить необходимый консенсус для внесения 43 конституционных изменений со времени восстановления демократии в марте 1990 г.» в конституцию А. Пиночета, которая создавалась во время военной кровавой диктатуры [37, р. 486].

Граждане могут участвовать в одобрении проекта новой конституции через процедуру голосования в условиях прихода к власти авторитарных военных сил или в условиях авторитарного давления и авторитарного политического режима (как это было в отношении Политической Конституции Республики Чили 1980 г., принятой на конституционном референдуме 11 сентября 1980 г. и пришедшей на смену конституции 1925 г.). Результаты конституционного референдума показали, что 67,04 % голосов были отданы за ратификацию конституции при нарушении процедуры проведения голосования, а 30,19 % голосов были против нее. Общенациональный референдум укрепил военный режим А. Пиночета и его положение в качестве президента республики (с расширенными полномочиями).

Граждане могут участвовать в конституционном референдуме в условиях состоявшегося перехода от военной диктатуры к демократическому правлению. Именно демократический переход и наличие свободы обсуждения проекта (публичной и научной дискуссии, опирающейся на народное голосование), соревнование и оценка различных идей и ценностей, заложенных в проект новой конституции, могут приводить к парадоксу двойного отклонения новой конституции (как произошло в Чили в 2022 и 2023 гг.). Как показал опыт Чили, 17 декабря 2023 г.

избиратели отклонили предложенную консервативную конституцию, чтобы заменить действующий акт страны, принятый во времена диктатуры А. Пиночета. Данное голосование состоялось более чем через год после того, как чилийцы также отклонили предложенную конституцию, написанную левым конвентом, которая была отнесена к одной из самых прогрессивных конституционных хартий в мире. При подсчете оказалось, что в голосовании участвовали 99,65 % граждан, около 55,76 % из них отклонили новый текст конституции, а 44,24 % проголосовали за его принятие⁵. Последний проект конституции оказался, по мнению отдельных экспертов, еще более консервативным, чем документ, написанный во время правления А. Пиночета. Отвергнутый в 2023 г. проект конституции был написан в основном правой республиканской партией страны во главе с Х. А. Кастом⁶.

В голосовании, которое было обязательным для граждан, приняли участие около 12,86 млн человек. Вторая попытка конституционной замены наследия А. Пиночета не увенчалась успехом и, как сказал президент страны Г. Борич в телевизионном обращении, «страна поляризовалась, разделилась», а конституционный процесс «не оправдал надежд на то, что новая конституция будет написана всеми»⁷.

Таким образом, страны Латинской Америки в XXI в., проходя процессы демократизации и цифровизации публичного сектора, демонстрируют стремление создать нормативные, институциональные и интеллектуальные основы конституционного включения граждан в систему демократического участия.

Опыт конституционного развития стран Латинской Америки в последней четверти XX – первой четверти XXI в. продемонстрировал стремление соединить традиции постколониального развития и особенности демократического участия граждан, нацеленные на реализацию открытого управления государством, цифрового участия и цифрового гражданства, расширение сфер и способов конституционного вовлечения граждан и институтов гражданского общества, формирование профессионального экспертного мнения в условиях развития современных информационных технологий.

О природе и дилеммах латиноамериканского конституционализма: результаты и их обсуждение

Конституционализм и конституционное право в Латинской Америке отличаются спецификой субконтинентального развития. Латиноамериканские

государства имеют общие черты, сформированные первым конституционным опытом и результатами борьбы за независимость, у них разноплановое

⁵In Chile, voters reject new constitution in referendum [Electronic resource]. URL: <https://constitutionnet.org/news/chile-voters-reject-new-constitution-referendum> (date of access: 20.01.2025).

⁶Badgamia N. Chileans vote against new conservative constitution to replace current dictatorship-era text [Electronic resource]. URL: <https://perma.cc/B7PT-ZMWF> (date of access: 20.01.2025).

⁷Timerman J. Chileans reject Constitution 2.0 [Electronic resource]. URL: <https://latinamericadailybriefing.substack.com/p/chileans-reject-constitution-20> (date of access: 20.01.2025).

и в то же время общее колониальное прошлое, большое испано-португальское наследие. Латиноамериканский конституционализм, основанный на демократическом участии граждан, возникал как реакция на авторитарное прошлое, результат перехода от авторитаризма к демократическим режимам государственного правления. Опыт влияния испанского конституционного права (в частности, Кадисская конституция Испании 1812 г. и Конституция Королевства Испания 1976 г.) на испаноговорящий регион и одновременно создание в XXI в. конституционных инноваций в сфере демократического и цифрового вовлечения граждан в политическое и конституционное участие сопровождается активным развитием государств и их сотрудничеством друг с другом и бывшими метрополиями.

Природа латиноамериканского конституционализма в новом тысячелетии модифицируется под влиянием демократического включения граждан в процесс изменения конституций, демократического участия в публичной сфере и выработке государственной политики, а также использования цифровых технологий, в том числе краудсорсинговых платформ, в парламентской деятельности таких государств, как Бразилия и Чили.

При этом сохраняются различные традиции в конституционном праве региона, порожденные внешним влиянием и опытом собственного конституционного развития. Р. Гаргарелья полагает, что следует говорить о латиноамериканской конституционной традиции, которая стала формироваться с момента принятия Конституции Венесуэлы 1811 г., начала борьбы за независимость от колониального владения. Большое значение для субконтинента имеют три принципиально разные конституционные традиции, относящиеся к трем разным проектам (пониманиям) конституционализма (в рамках республиканского, консервативного и либерального подходов). Традиции республиканизма, консерватизма и либерализма складывались под влиянием трех устойчивых политических и правовых течений, которые сформировались во времена Великой французской революции, Американской революции и Испанской империи соответственно. Республиканская, консервативная и либеральная конституционные традиции в латиноамериканском конституционном праве, по мнению Р. Гаргарелья, находились и по-прежнему находятся в диалоге с этими тремя фундаментальными влияниями [38, р. 307].

Латиноамериканские авторы и ученые из других стран считают, что вполне обоснованно с учетом новаций и достижений последних десятилетий использовать для характеристики латиноамериканского конституционализма в новом тысячелетии понятия «новый конституционализм» [39; 40] или «неоконституционализм» [41, с. 85]. Подобные термины являются не столько понятиями, сколько лозунгами,

содержащими элементы конституционных программ развития региона и конституционной идеологии. Они были придуманы для обозначения определенных конституционных процессов и конституционных реформ, которые произошли относительно недавно в Латинской Америке. Ученые-конституционалисты не были слишком оптимистичными в отношении масштабов и характера этого нового конституционализма. Многие разделяют такой критический скептицизм, полагая, что «это новое явление не меняет существенно органического элемента различных конституций в регионе» [42, р. 212]. Между тем новый латиноамериканский конституционализм, как показывают последние исследования, все же следует оценивать в контексте его связи с современной «неоконституционной теорией» в целом.

Среди латиноамериканских конституционалистов существует стремление связать новый конституционализм Латинской Америки с возникшей ранее и существовавшей до сих пор конституционной традицией региона. Так, Р. Гаргарелья отмечает, что, если проследить эволюцию латиноамериканского конституционализма от его истоков до последней волны конституционных реформ, которая имела место в конце XX в., будет оправданно говорить о возникновении так называемого нового латиноамериканского конституционализма [43, р. 109–110]. Однако в регионе существует глубокая преемственность между этим «новым» конституционализмом и более традиционным и архаичным «старым» региональным конституционализмом в отношении организации прав, а также преобладает практика институционального дизайна конституционной системы. Р. Гаргарелья утверждает, что организация власти, которая по-прежнему существует в большинстве конституций в регионе, определяется элитарными и авторитарными чертами либерально-консервативного периода, доминировавшего в Латинской Америке в 1850–90 гг. Эти черты в конце XX – первой четверти XXI в. только частично, как можно полагать, демократизированы расширением народного участия, конституционным вовлечением граждан в публичную сферу, проведением конституционных референдумов и созданием инфраструктуры демократического участия в Бразилии, Аргентине и других странах.

Вместе с тем конституционное закрепление социальных прав, прав коренных народов в латиноамериканских конституциях признается позитивным фактором развития, который вызывает новые трудности и проблемы.

Демократические реформы проводят в регионе не только для обеспечения вовлечения граждан, но и для закрепления их социальных прав. Конституционное признание таких прав предполагает передачу дополнительных полномочий судебной власти, являющейся наименее демократической ветвью

власти. Обращение к народной власти и использование народного суверенитета для проведения реформ (в том числе с опорой на конституционное участие граждан) со стороны новых реформаторов (нередко президентов стран) встречает сопротивление «ста-

рых структур» государственного правления, которые блокируют новые предложения или затрудняют их реализацию («старая организация власти препятствует реализации новых социальных и мультикультурных прав») [43, р. 126–127].

Заключение

Таким образом, в странах Латинской Америки сохраняется преемственность институционального дизайна конституционной системы с опорой на институт президентализма (гиперпрезидентства). Появление новых деклараций прав (включая права на демократическое участие, социальные права и права коренных народов) расширяет систему институтов демократического участия и конституционного вовлечения граждан в процесс создания, обсуждения и принятия конституций. Между тем идеологические основы и каноны конституционной мысли, сформированные в XIX в. правовые традиции демонстрируют поразительное, далеко не случайное, сходство в странах Латинской Америки [10, р. XV–XVI]. Волна конституционных изменений, возник-

шая в конце 1980-х гг. в значительной степени под влиянием опыта Бразилии 1988 г., захватила многие страны региона. Эта волна подтвердила стремление реформаторов отстоять приверженность равенству в разнообразии, развить мультикультурные основы государственного правопорядка, признать культурные традиции и многоэтническое происхождение различных обществ региона. Конституционное закрепление партисипативных институтов привело к появлению в странах делиберативной и императивной демократии участия, которые стали сосуществовать наряду с традиционными представительными институтами демократического правления. Различные исследователи обсуждают незавершенный переход к демократическому правлению во многих странах региона.

Библиографические ссылки

1. Бондарь НС. Конституционная компаративистика в системе юридического образования: сочетание научно-доктринальных и учебно-образовательных начал. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023;19(3):5–19. DOI: 10.12737/jzsp.2023.031.
2. Кравец ИА. Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2009;6:72–82.
3. Крусс ВИ. Конституционная компаративистика в системе юридического образования. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2009;6:45–56.
4. Кравец ИА. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации. *Актуальные проблемы российского права*. 2024;19(1):33–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047.
5. Грачева СА. Конституционализм: институциональные гарантии взаимосвязи права и власти. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2024;2:3–10.
6. Botelho CS, Terrinha LH, Coutinho P, editors. *Constitutionalism in a plural world*. Porto: Universidade Católica Editora; 2018. 270 p.
7. Tushnet M, Khosla M, editors. *Unstable constitutionalism: law and politics in South Asia*. New York: Cambridge University Press; 2015. 403 p.
8. Albert R, Bernal C, Benvindo JZ. *Constitutional change and transformation in Latin America*. Oxford: Hart Publishing; 2019. 358 p.
9. Бондарь НС, Берлявский ЛГ. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2024;20(4):46–59. DOI: 10.61205/S199132220030646-6.
10. Mendes CH, Gargarella R, Guidi S, editors. *The Oxford handbook of constitutional law in Latin America*. Oxford: Oxford University Press; 2022. 943 p.
11. Valadés D, Carbonell M, editors. *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI*. Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México; 2004. 290 p.
12. Dixon R, Ginsburg T, editors. *Comparative constitutional law in Latin America*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2017. 376 p.
13. Васильева ТА. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019;3:55–62. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-3-55-62.
14. Васильева ТА. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022;6:46–71.
15. Кравец ИА. Идея гражданских ассамблей и иные формы участия граждан в конституционных изменениях и публичных инициативах: опыт и перспективы конституционализации в Новом и Старом свете. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024;33(4):40–60. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-40-60.
16. Масловская ТС. Участие граждан в разработке конституции и конституционных поправок в зарубежных странах: новые подходы. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;2:34–41.

17. Contiades X, Fotiadou A, editors. *Participatory constitutional change: the people as amenders of the constitution*. Abingdon: Routledge; 2017. 224 p.
18. Contiades X, Fotiadou A, editors. *Routledge handbook of comparative constitutional change*. London: Routledge; 2020. 468 p.
19. Barroso LR. Foreword. The life and death of constitutions in Latin America: constitutional amendments, the role of courts and democracy. In: Albert R, Bernal C, Benvindo JZ, editors. *Constitutional change and transformation in Latin America*. Oxford: Hart Publishing; 2019. p. V–IX.
20. Примашев НМ. Конституционная реформа 1994 года в Аргентине. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2000;1:102–107.
21. Медведев СН. Конституция Аргентины 1994 г. и развитие права собственности в проекте гражданского кодекса Аргентины 1998 г. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2011;5(1):197–201.
22. Хабриева ТЯ, редактор. *Конституции государств Америки. Том 3. Южная Америка*. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2006. 1168 с.
23. Benvindo JZ, Bernal C, Albert R. Introduction: facts and fictions in Latin American constitutionalism. In: Albert R, Bernal C, Benvindo JZ, editors. *Constitutional change and transformation in Latin America*. Oxford: Hart Publishing; 2019. p. 1–18.
24. Negretto GL. Replacing and amending constitutions: the logic of constitutional change in Latin America. *Law & Society Review*. 2012;46(4):749–779.
25. Braver J. *We, the mediated people: popular constitution-making in contemporary South America*. New York: Oxford University Press; 2023. 264 p.
26. Чудаков МФ. *Конституционное право зарубежных стран*. Минск: Вышэйшая школа; 2018. 477 с.
27. Чиркин ВЕ, редактор. *Сравнительное конституционное право*. Москва: Манускрипт; 1996. 729 с.
28. Mayka L, Rich JA. Brazil's participatory infrastructure: opportunities and limitations for inclusion. In: Kapiszewski D, Levitsky S, Yashar DJ, editors. *The inclusionary turn in Latin American democracies*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. p. 155–182.
29. Costa AB, Marques MHS. O processo constituinte de 1987 e a passage do tempo: uma análise sobre um conflito. *Revista Direito Práx*. 2018;9(3):1169–1195. DOI: 10.1590/2179-8966/2017/26822.
30. Coelho IR, Larangeira A, de Araújo Moraes SDT, Messetti PAS, Silva AP. Democratic formation of the 1988 constitution of the Federative Republic of Brazil (CRFB/1988). *Journal of Human Growth and Development*. 2023;33(1):129–138. DOI: 10.36311/jhgd.v33.13823.
31. McDonald D. Making the «citizen constitution»: popular participation in the Brazilian transition to democracy, 1985–1988. *The Americas*. 2022;79(4):619–652. DOI: 10.1017/tam.2022.7.
32. Avritzer L. *Democracy and the public space in Latin America*. Princeton: Princeton University Press; 2002. 202 p.
33. Avritzer L. *The two faces of institutional innovation. Promises and limits of democratic participation in Latin America*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2017. 169 p.
34. Kapiszewski D, Levitsky S, Yashar DJ, editors. *The inclusionary turn in Latin American democracies*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. 537 p.
35. Betances E, Figueroa Ibarra C. *Popular sovereignty and constituent power in Latin America. Democracy from below*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. 208 p.
36. Герреро Бекар ХЛ. Чилийская экономическая конституция. В: Андреева ГН, редактор. *Экономическая конституция цифровой эпохи*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2020. с. 81–111.
37. Navia P. If you can fix it, why replace it? Democratizing the Pinochet constitution in Chile. *Política y Gobierno*. 2018;25(2):485–499.
38. Gargarella R. Latin American constitutional traditions. In: Mendes CH, Gargarella R, Guidi S, editors. *The Oxford handbook of constitutional law in Latin America*. Oxford: Oxford University Press; 2022. p. 306–323.
39. Becker M. New constitutionalism in Latin America: promises and practices. *Bulletin of Latin American Research*. 2015;34(1):124–126. DOI: 10.1111/blar.12278.
40. Nolte D, Schilling-Vacaflor A. *New constitutionalism in Latin America: promises and practices*. Abingdon: Routledge; 2016. 436 p.
41. Васильева Т. Проблемы преемственности и новаторства в конституционном развитии: латиноамериканская практика. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024;33(4):85–104.
42. Cobos FC. The new Latin American constitutionalism. *Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies*. 2018;43(2):212–230.
43. Gargarella R. Sobre el «Nuevo constitucionalismo latinoamericano». *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 2018;27(1):109–129. DOI: 10.26851/rucep.27.5.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.65/.68

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Ц. ОЮУНАА¹⁾

¹⁾Улан-баторский международный университет, ул. Намянжун, 41, 210644, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Рассматриваются правовые основы римского наследственного права, а также наследственное право Монголии в разные исторические периоды: период существования Монгольской империи, время вхождения в состав Цинской империи, период существования Монгольской Народной Республики и время перехода к рыночной экономике.

Ключевые слова: римское частное право; наследственное право Монголии; наследование по закону; завещание; наследник; международное частное право.

Образец цитирования:

Оюунаа Ц. Наследственное право: сравнительное исследование в рамках международного частного права. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:46–50.
EDN: AUKWSC

For citation:

Oyunaa Ts. Inheritance law: a comparative study in the framework of private international law. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:46–50. Russian.
EDN: AUKWSC

Автор:

Цэрэндагва Оюунаа – кандидат юридических наук; преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета.

Author:

Tserendagva Oyunaa, PhD (law); lecturer at the department of civil law, faculty of law.
oyunaa.ts@ulaanbaatar.edu.mn

INHERITANCE LAW: A COMPARATIVE STUDY IN THE FRAMEWORK OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Ts. OYUNAA^a

^aInternational University of Ulaanbaatar, 41 Namyanzhun Street, Ulaanbaatar 210644, Mongolia

Abstract. The article examines the legal basis of Roman inheritance law and the inheritance law of the Mongol Empire, Qing dynasty, Mongolian People's Republic and the inheritance law in the legislation of Mongolia during the transition to the market economy.

Keywords: Roman private law; inheritance law of Mongolia; inheritance by law; will; heir; international private law.

В постсоциалистических странах, в том числе Монголии, теоретические и практические вопросы наследственного права в настоящее время становятся весьма актуальными, поскольку в этих странах до недавнего времени преобладала общественная собственность, а правовое регулирование наследственных отношений было недостаточно развито. Таким образом, наследственных отношений в широком смысле в социалистических странах не существовало. Когда эти страны перешли к рыночной экономике и частная собственность начала преобладать в них, то наследственные отношения стали рассматриваться в новом свете, а их правовое регулирование столкнулось с некоторыми проблемами. Решение таких проблем и гармоничное развитие норм наследственного права требуют кардинального обновления рассматриваемой отрасли права, проведения комплексных теоретических и практических исследований. Более того, монгольское общество стало открытым, граждане страны могут иметь движимое и недвижимое имущество не только на родине, но и за рубежом, что обуславливает необходимость осуществления сравнительных исследований отечественного и международного частного наследственного права.

Как известно, наследственное право является самостоятельным институтом гражданского права и имеет особый предмет правового регулирования. Наследственное право – это совокупность специальных правовых норм, регулирующих переход имущественных прав и обязанностей наследодателя к другим лицам.

Суть наследственного права заключается в установлении собственника имущества умершего. Определение получателя и способа передачи данного имущества – очень важная и деликатная социально-практическая проблема. Наследственное право регулируется правовыми нормами, а также традициями и обычаями каждого народа. Наследование является одним из древнейших институтов гражданского

права, основы которого были заложены в римском частном праве. Вопрос о том, кому передать имущественные права и обязанности умершего, всегда возникал в гражданском обществе. Именно в римском частном праве была оформлена основная структура регулирования перехода имущества по правилам наследования, и большинство гражданско-правовых систем в той или иной степени унаследовали эти нормы.

Римское частное право стало основой для возникновения романо-германской семьи гражданского права, в том числе наследственного права. Поэтому возникает необходимость изучения римского частного права.

Кроме того, любому исследователю наследственного права нужно изучить основы римского наследственного права, главные этапы его развития, в частности, наследование по закону в античном гражданском праве, наследование по преторианскому праву¹, наследование по закону Юстиниана² и новеллы, разрабатываемые в этом направлении. Рассматривая основное содержание римского наследственного права и его особенности, необходимо подчеркнуть непреходящее значение основополагающего принципа свободы завещания, впервые заложенного в римском частном праве. Этот принцип предоставляет субъекту возможность определять судьбу своего имущества по собственной свободной воле. В результате установления принципа свободы завещания были выявлены и другие важные аспекты регулирования наследственных отношений. Именно в связи с возникновением необходимости защиты интересов лиц, не упомянутых в завещании, был сделан первый шаг к возникновению наследования по закону, а также появилось понятие исключения из наследства путем указания имен наследников. Этот принцип ясно обозначил невозможность исключения отдельных лиц, особенно детей, из наследования, определил лиц, которые должны получить свою долю независимо от очередности, а также размер и пределы доли насле-

¹Кудинов О. А. Римское право. Краткий терминологический словарь-справочник. М. : Экзамен, 2007. С. 86 ; Оюунаа Ц. Проблема наследования в древнеримском частном праве. Исторические источники римского права. Улан-Батор, 2019. С. 13–15 (на монг.).

²Нарангел С. Оригинальный словарь прав. Улан-Батор, 2007. С. 657 (на монг.).

дуемого имущества. Таким образом, все эти нормы устанавливались для регулирования наследственных отношений.

Вопрос о принятии наследства и его последствиях занимает особое место в римском праве. Узаконение упомянутых последствий породило возникновение понятия «срок открытия наследства». Так были сделаны первые шаги по регулированию проблем задолженности, возникшей в результате наследования, а также стали решаться вопросы о судьбе имущества, оставшегося без собственника из-за отказа принять наследство. Таким образом, произошли большие сдвиги в становлении и развитии института наследования в римском частном праве. Именно в нем были заложены основополагающие понятия романо-германской системы права, гражданского права в целом и наследственного права в частности, которые совершенствовались и применялись на протяжении столетий, тем самым вносился значительный вклад в развитие этой отрасли юридической науки.

У монголов очень богатая и уникальная традиция наследования. На основе историко-правовых источников можно выделить ряд этапов в ее истории и определить их особенности. Первый этап относится ко времени существования Монгольской империи. Основными правовыми источниками этого периода являются Великий закон³ (Их засаг хууль⁴), сборник летописей Рашида ад-Дина⁵, личный дневник Болдбаатара⁶. О наследственном праве и его особенностях написаны труды таких известных ученых-монголоведов, как В. Рубрук⁷, Дж. де Плано Карпини⁸, Г. Баярхуу⁹, Н. Цогт¹⁰, Джувейни¹¹, В. А. Рязановский¹², К. Ф. Голстунский¹³, Ф. И. Леонтович¹⁴ и др.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что законы и законодательные акты Монгольской империи отражали специфические нормы наследственного права. В частности, в тот период для правового регу-

лирования наследственных отношений действовали нормы об определении субъектов, имеющих право наследования княжеского имущества, и порядка наследования предметов, нормы об уплате налогов с наследственного имущества, обязанности наследников беречь и приумножать наследственное имущество, добросовестно относиться к нему, нормы о запрете принимать в царский фонд имущество, оставшееся без завещания после смерти его владельцев, правила пользования землей стана после смерти князей и др. Очень важными особенностями наследования в этот период были проявление наибольшего гуманизма и определение интересов коллектива, общества и государства как приоритетных, о чем свидетельствуют положения, которые содержатся в Великом законе Монгольской империи. Например, существовало прямое указание на то, что в случае отсутствия у умершего князя детей-наследников половина его имущества должна была передаваться его крепостным или слугам, т. е. она не могла быть передана в государственный фонд.

Такая мера была необходима для того, чтобы имущество покойного не осталось без хозяина и не пропало даром. В период Монгольской империи среди князей было распространено многоженство, поэтому при наследовании дети от первой жены имели приоритет перед другими детьми, а женам и детям воинов, погибших на поле боя, предоставлялись права на наследственное имущество, а также определялась их доля в нем.

В этот период наряду с правовыми нормами наследственного права существовали и традиции, особенно среди простых людей, что является еще одной важной особенностью истории наследственных отношений в Монголии того времени.

Следующим важным этапом в истории наследственных отношений в Монголии является период

³Полный текст Великого закона Монгольской империи не найден, при этом он по праву вызывает интерес исследователей во всем мире. Хотя большинство публикаций о Великом законе вышли на персидском и арабском языках, их авторы отмечали, что в своей работе они использовали монгольские источники. См.: Исторический сборник монгольского законодательства. Т. 1. 1206–1910 / ред. Б. Чимид. Улан-Батор, 2010. С. 29 (на монг.).

⁴Слово «засаг» в древнемонгольском языке понималось как название закона, который управлял людьми, околдовывая воинов. См.: Полный словарь монгольского языка : в 5 т. Т. 2. Улан-Батор, 2008. С. 989 (на монг.).

⁵Хулагу – третий сын Толуя, младшего сына Чингисхана, основал Ильское ханство. По инициативе его преемников группой во главе с персидским вельможей и врачом Рашидом-ад-Дином, в которую входили видный монгольский государственный деятель Болод Циньсан, китайские ученые и индийские священники, между 1301 и 1311 г. была составлена официальная история монгольского государства. Это произведение известно как сборник летописей Рашида-ад-Дина. См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. Ц. Суренхорлоо. Улан-Батор, 2002 (на монг.).

⁶Асралт. Личный дневник Болдбаатара / пер. Хох-Ондур. Хайлар : Изд. ком. по культуре Внутр. Монголии, 1985 (на монг.).

⁷Рубрук В. Путешествие в восточные страны в лето благодати 1253. Улан-Батор, 1988.

⁸де Плано Карпини Дж. История монголов. Улан-Батор, 1998 (на монг.).

⁹Баярхуу Г. Сравнительное исследование законов, обычаев и традиций Хуннской империи, единого Монгольского государства, и более поздних периодов. 209 г. до н. э. XIII–XX вв. н. э. / ред. Д. Дашцеден. Улан-Батор, 2011 (на монг.).

¹⁰Цогт Н. Закон Чингисхана, 2016. (на монг.).

¹¹Juvaini. The history of the world-conqueror : in 2 vols. Vol. 1. Harvard : Harvard Univ. Press, 1958. 424 p.

¹²Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. Чита, 1921. 120 с. ; Он же. Монгольское право (преимущественно обычное): исторический очерк. Харбин : Типогр. Н. Е. Чинарева, 1931. 348 с. ; Он же. Исторический обзор монгольских законодательных актов. Улан-Батор : Монгол улсын ухааны академийн туухийн хурээлэн, 2000. С. 10–11 (на монг.).

¹³Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. 160 с.

¹⁴Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-ойратский или калмыцкий устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.

перехода власти к Маньчжурской династии и вхождения в состав Цинской империи. Этот этап является особенным для развития наследственных отношений монголов. В то время они находились под властью Маньчжурской династии, но имели особый статус: в основном для них действовали общие законы, однако у них были и свои нормы правовых отношений, в том числе наследственных. Важнейшими правовыми актами тогда были документ «Халх ерема»¹⁵ и свод законов «Монгольский смертный приговор»¹⁶, в которых нашли отражение нормы о разделе имущества для наследования, в них впервые была установлена норма, регулирующая спор относительно наследственного имущества умершего. Особенностью наследственных правоотношений того времени является весьма подробная регламентация норм наследственного права, строгая детализация наследственного имущества и состава наследников, их долей. Таким образом, монгольское наследственное право периода Цинской империи существенно отличается от наследственного права периода Монгольской империи. Наследственное право монголов периода Цинской империи развивалось и совершенствовалось в последующие эпохи. Но все же важнейшей чертой наследственного права этого периода было сочетание правовых норм законодательства Маньчжурской династии и местных национальных норм правовых актов, а также традиций и обычаев монголов.

После победы народной революции в истории страны наступил новый период. Естественно, что в связи с переходом Монголии на так называемый некапиталистический путь развития начался совершенно уникальный этап в развитии наследственного права. Эта особенность была связана прежде всего с новым общественным строем и его сущностью¹⁷.

Как известно, в социалистическом обществе частная собственность была отменена, господствовать стала общественная собственность. Следовательно, можно сказать, что в обществе не существовало наследственных отношений в широком смысле¹⁸.

Нормы наследственного права были провозглашены в чисто декларативной форме в Конституции Монгольской Народной Республики и других законодательных актах страны. Однако здесь следует отметить, что на первом демократическом этапе революции в Гражданском кодексе Монгольской Народной Республики, принятом впервые в истории Монголии в 1926 г., были узаконены следующие правила наследования: прямое пользование, передача наследственного имущества; завещание наследственного имущества; передача имущества

в ведение надзора; налогообложение при передаче имущества в порядке наследования¹⁹. В названном кодексе также определялся порядок наследования и закреплялся классовый подход к нему. Хотя этот гражданский кодекс был большим шагом вперед в развитии монгольского наследственного права, тем не менее его фактическое действие длилось недолго. В 1960 г., когда скот, как основная частная собственность монгольских аратов, был полностью коллективизирован, его действие фактически прекратилось.

Таким образом, наследственные отношения монголов в период существования Монгольской Народной Республики характеризовались серьезными противоречиями, наследственного права в то время не существовало.

Когда благодаря демократической революции 1990-х гг. Монголия перешла к рыночной экономике, в стране установились отношения частной собственности, начался новый этап в развитии наследственного права. В новой Конституции Монголии, принятой в 1992 г., прямо указано, что каждый человек имеет право на собственность. В соответствии с этим положением за последние 25 лет народ приобрел достаточно большое количество движимого и недвижимого имущества. Этот факт говорит о том, что наследственное право в стране должно быть радикально обновлено в соответствии с духом времени.

Для достижения названной цели сделано немало. Например, были приняты такие законы и законодательные акты, как Конституция Монголии, Гражданский кодекс Монголии, Гражданско-процессуальный кодекс Монголии, Семейный кодекс Монголии, Земельный кодекс Монголии, Консульский устав Монголии, законы о гражданском состоянии, гражданстве, эмиграции, иностранных инвестициях, нотариате, государственной регистрации, исполнении судебных решений. Парламент Монголии принял постановления о порядке соблюдения гражданского законодательства, признании утратившими силу и изменении законов, правовых положений и указов, порядке соблюдения новой редакции Гражданского кодекса от 1 ноября 1994 г. Все эти документы в той или иной степени отражают нормы наследственного права и вопросы наследственных отношений²⁰.

Однако перечисленные меры пока не отвечают запросам времени, и требуется дальнейшая разработка новых норм правового регулирования наследственных отношений в стране. Необходимо совершенствовать данную отрасль права с учетом национальных особенностей в духе требований

¹⁵ Исторический сборник монгольского законодательства. Т. 1. 1206–1910 / ред. Б. Чимид. Улан-Батор, 2010. С. 132 (на монг.).

¹⁶ Баярсайхан Б. Юридический словарь. Улан-Батор, 2003. С. 121–125 (на монг.).

¹⁷ Оюунаа Ц. Наследственное право / ред. Дж. Амарсанаа. Улан-Батор, 2017. С. 40–44 (на монг.).

¹⁸ Там же. С. 45

¹⁹ Журнал государственной службы Республики Монголия. 1927. № 23. С. 117–127 (на монг.).

²⁰ Оюунаа Ц. Наследственное право... С. 217–218 (на монг.).

современного международного частного права, т. е. сочетать национальные нормы этого права с правовыми нормами других стран. Для достижения поставленной цели нужно тщательно изучить законодательство стран, с которыми Монголия имеет тесные связи, и стран, где проживают и работают монголы, а также как можно скорее присоединиться ко всем соответствующим двусторонним и многосторонним международным договорам, действующим в этой области права.

В современную эпоху каждая страна, каждый народ самым активным образом взаимодействуют друг с другом в различных сферах социально-экономической и культурной жизни. Это обстоятельство определяет одну из особенностей развития современных гражданских отношений. Наследственные связи не являются исключением, они все больше приобретают «международный характер», что закономерно приводит к необходимости детального ознакомления с основными положениями наследственного права зарубежных стран и глубокого их изучения. Правовая система каждой страны имеет свои особенности, и правила передачи имущества умершего другим лицам весьма своеобразны (состав, очередность наследников, распределение наследственного имущества, свобода завещания, ее ограничения, решение вопроса о неостребованном имуществе и др.). Правовые нормы, регулирующие передачу наследственного имущества, устанавливаются гражданским кодексом, отдельным законом о наследовании или иными законодательными актами соответствующей страны. Подобные нормы содержатся в гражданском законодательстве Франции, Германии, Швейцарии, Украины, Монголии, России и других стран, а в Болгарии, Сербии, Черногории, Китае, Хорватии, Ирландии, Норвегии и Эстонии существует отдельный закон о наследовании. Венгрия и Польша регулируют наследственные отношения другими нормативными актами. Наследование в странах общего права регулируется судебными прецедентами, наряду с ними существуют специаль-

ные законы, например, закон о завещаниях (1963), и закон о наследовании (1938) в Англии²¹.

В США в разных штатах действуют разные правила, регулирующие наследственные отношения, что приводит к возникновению коллизии наследственного права²². Именно для разрешения подобных конфликтов страны заключают международные договоры и конвенции, в которых указывается, как ссылаться на нормы иностранного законодательства при решении вопросов, связанных с наследственными отношениями. Таким образом разрешается правовой конфликт в данной области права. Автор настоящего исследования специально изучает и детализирует правовые нормы многих стран, установленные их законодательством, что очень важно для дальнейшего совершенствования монгольского законодательства о наследственных отношениях и обеспечения его тесной связи с законодательством других стран.

На современном этапе развития Монголии в целях обеспечения широты и эффективности внутреннего наследственного права наряду с присоединением страны к соответствующим международным договорам необходимо также расширять двусторонние соглашения о взаимной правовой помощи. В настоящее время Монголия имеет подобные двусторонние соглашения с Венгрией, Болгарией, Чехией, Румынией, Корейской Народно-Демократической Республикой, Кубой, Китаем, Францией, Польшей, Казахстаном, Россией, Республикой Корея, Вьетнамом, Киргизией, Турцией, Канадой, Индией и другими странами, однако коллизионные нормы закреплены в договорах лишь с немногими из них, что свидетельствует о необходимости продолжать работу в этом направлении. Число граждан Монголии, участвующих в международных частных наследственных отношениях, постоянно растет, это обстоятельство определяет актуальные задачи теоретических и практических исследований наследственного права Монголии в рамках международного частного права.

*Статья поступила в редколлегию 21.11.2024.
Received by editorial board 21.11.2024.*

²¹ Оюунаа Ц. Наследственное право... С. 139–140.

²² Там же. С. 141–142.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.3/.7

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ОПТИМИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ГЛАВЫ 25 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Г. ГОЛОВЕНЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются особенности понятия «экономические преступления», анализируются доктринальные подходы как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященные вопросу соотношения данного понятия с кругом охватываемых им общественно опасных деяний. Отмечается, что к экономическим преступлениям нельзя безоговорочно отнести все преступления против порядка осуществления экономической деятельности. Обосновывается возможность оптимизации размещения отдельных статей действующего уголовного закона Республики Беларусь и внедрения в него новых глав, посвященных преступлениям, видовыми объектами которых выступают соответствующие сходные общественные отношения.

Ключевые слова: экономические преступления; экономическая преступность; уголовный закон; налоговые преступления; таможенные преступления.

Образец цитирования:

Головенчик МГ. О перспективных направлениях оптимизации структуры главы 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:51–55.
EDN: BCHIBO

For citation:

Goloventchik MG. On perspective directions for optimising the structure of chapter 25 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:51–55. Russian.
EDN: BCHIBO

Автор:

Марина Геннадьевна Головенчик – аспирантка кафедры уголовного права юридического факультета. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Д. В. Шаблинская.

Author:

Marina G. Goloventchik, postgraduate student at the department of criminal law, faculty of law.
goloventchikmg@bsu.by

ON PERSPECTIVE DIRECTIONS FOR OPTIMISING THE STRUCTURE OF CHAPTER 25 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

M. G. GOLOVENTCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the features of the concept of «economic crimes», analyses the doctrinal approaches of both domestic and foreign authors, devoted to the correlation of this concept with the range of socially dangerous acts covered by it. It is noted that all crimes against the order of economic activity cannot be unconditionally attributed to economic crimes. The possibility of placement of individual articles of the current criminal law of the Republic of Belarus and their combination within the framework of new chapters on crimes, the specific objects of which are the corresponding similar social relations, are substantiated.

Keywords: economic crimes; economic crime; criminal law; tax crimes; customs crimes.

Введение

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), принятый более 25 лет назад, на наш взгляд, не теряет актуальности и отвечает требованиям современного белорусского общества в части охраны общественных отношений. А. Л. Савенок справедливо отмечает, что в целом УК решил стоявшие перед ним задачи в период перехода от плановой экономики к рыночной, а большинство норм уголовного закона успешно применяются для защиты интересов граждан, общества и государства. При этом значительное количество изменений и дополнений, внесенных в данный акт, подтверждают, что не все нормы в меняющейся социальной реальности показали свою жизнеспособность [1, с. 72]. Процесс совершенствования уголовного закона необходимо продолжать, поскольку, как указывает С. Е. Данилюк, законодательство, в том числе криминального блока, должно идти в ногу со временем [2, с. 58].

Важными составляющими процесса совершенствования уголовного закона выступают как свое-

временная криминализация новых общественно опасных деяний, так и комплексная переработка действующих уголовно-правовых норм. Кроме того, не менее значимым является обоснованное и системное расположение статей для обеспечения логичности структуры уголовного закона. По нашему мнению, требует корректировки со стороны законодателя структура раздела VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» УК, что, в частности, обусловлено необходимостью пересмотра видового объекта экономических преступлений, содержащихся в названном разделе. В связи с данным обстоятельством далее в настоящем исследовании нами будет предложено концептуальное перспективное видение возможной структурной модернизации гл. 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» (что повлечет соответствующие изменения в разделе VIII).

Основная часть

Согласно мнению А. П. Кузнецова, экономическую преступность следует рассматривать как «комплексную специфическую категорию, включающую в себя совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных ее отраслях хозяйства» [3, с. 238]. Преступления, которые традиционно относят к экономическим в научных исследованиях например [4; 5; 6, с. 84], в Республике Беларусь размещены в рамках гл. 25 УК.

Вместе с тем в доктрине справедливо указывается, что к экономическим преступлениям нельзя безоговорочно отнести все преступления против порядка

осуществления экономической деятельности исходя лишь из названия гл. 25 УК. В. В. Хилjuta отмечает, что в данную главу «были включены составы преступлений, мало-мальски связанные с понятием экономики или ее сферой», при этом «существующий разброс в выборе критериев (особенности субъекта, сфера деятельности, интересы определенных лиц, способ совершения преступления, принципы осуществления экономической деятельности и т. д.) мало что проясняет в характеристике объекта преступного посягательства и вводит большую неразбериху» [7, с. 538].

Представляется, что ключевое значение при включении тех или иных общественно опасных деяний в круг экономических преступлений должно отводиться объекту посягательства, поскольку клас-

сификация преступлений в УК осуществляется по объекту преступления. Поэтому в основе отнесения тех или иных деяний к экономическим преступлениям должны быть общественные отношения, на которые посягают указанные преступления, и, соответственно, необходимо проводить анализ основных составляющих общественных отношений (предмета общественного отношения, участников общественных отношений, социальной связи общественного отношения по поводу конкретного предмета). В связи с этим обстоятельством возникает вопрос не только о том, какие деяния следует относить к экономическим преступлениям, но и о том, какие деяния возможно исключить из гл. 25 УК и переместить в более подходящие главы, соблюдая принцип системности построения норм Особенной части уголовного закона.

На сегодняшний день гл. 25 является одной из самых объемных в УК и включает 36 статей, при этом, по нашему мнению, не все деяния, содержащиеся в данной главе, могут быть однозначно отнесены к экономическим преступлениям. Ряд преступлений, включенных в гл. 25 УК, по своей сущности причиняют вред не экономическим отношениям. В качестве примера можно привести невозвращение в установленный срок на территорию Беларуси историко-культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством (ст. 230 УК). Основным криминообразующим признаком указанного общественно опасного деяния является несоблюдение установленного срока возвращения упомянутых ценностей. А. И. Лукашов в постатейном комментарии к УК указывал, что введение уголовной ответственности за описанное выше преступление преследует цель реализации положений ст. 15 Конституции Республики Беларусь, согласно которым государство ответственно за сохранение историко-культурного наследия^{1*}. И. Э. Мартыненко отмечал, что общественная опасность этого преступления состоит в потенциальной возможности безвозвратной утраты уникальных произведений искусства, предметов старины, объектов археологического наследия, являющихся общенародным достоянием. Объектом преступления в данном случае выступает государственный и общественный интерес, заключающийся в обеспечении состояния защищенности историко-культурного наследия Республики Беларусь [8, с. 166]. Таким образом, посягательство осуществляется не на экономические отношения. Как следствие, с учетом объекта преступления данная статья может быть помещена в иную главу УК. На основе изложенного, учитывая наличие в гл. 30 «Преступления против общественного порядка и об-

щественной нравственности» УК ряда статей, касающихся историко-культурных ценностей, возможно размещение рассматриваемой статьи в гл. 30 УК как ст. 346¹.

Отметим, что ранее нами были проанализированы уголовные законы государств – участников Содружества Независимых Государств на предмет того, какие преступления относятся к числу экономических [9]. Так, например, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики содержится раздел VII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности», который включает пять глав. Стоит обратить внимание на то, что наряду с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности в отдельные главы выделены преступления в денежно-кредитной и валютной сфере (гл. 30), преступления в сфере налогообложения (гл. 31), а также преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 32). В Уголовном кодексе Республики Узбекистан в разделе третьем Особенной части «Преступления в сфере экономики» выделены преступления против основ экономики (гл. XII), преступления в сфере хозяйственной деятельности (гл. XIII) и преступления, связанные с воспрепятствованием, незаконным вмешательством в предпринимательскую деятельность, и другие преступления, посягающие на права и законные интересы хозяйствующих субъектов (гл. XIII¹). Таким образом, в отдельных уголовных кодексах государств – участников Содружества Независимых Государств уже осуществляется более детализированное деление соответствующих структурных частей кодексов.

В российской доктрине к экономическим преступлениям не всегда относят таможенные и налоговые преступления, поскольку они рассматриваются как самостоятельные виды преступлений. В частности, в учебнике криминологии, изданном под редакцией А. И. Долговой, данный подход обоснован следующим образом: таможенная преступность – это совокупность таможенных преступлений, связанных с нарушением порядка вывоза и ввоза, возврата на территорию России через таможенную границу товаров и ценностей (контрабанда; незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники; невозвращение на территорию России предметов художественного, исторического и археологического достояния народов России и зарубежных стран; невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте; уклонение от уплаты

^{1*} Лукашов А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VIII. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Глава 25. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности (статьи 221–261-1) (по состоянию на 31.08.2015) [Электронный ресурс] // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025.

таможенных платежей). Налоговая преступность – это совокупность преступлений, объектом которых являются охраняемые уголовным законом отношения по поводу взимания налогов и сборов, а также осуществления контроля за своевременностью и полнотой их уплаты [10, с. 655, 670–671].

Рассмотрев ранее основные составляющие экономических отношений, на которые посягают экономические преступления, охарактеризовав видовой объект экономических преступлений, мы пришли к выводу о том, что к экономическим преступлениям следует относить те общественно опасные, противоправные, умышленные деяния, которые посягают на экономические отношения по поводу порядка производства экономических благ, при этом совершаются в рамках реализации участником экономических отношений прав и обязанностей по отношению к другому равноправному участнику экономических отношений и причиняют либо создают угрозу причинения вреда таким отношениям, нарушая условия их существования [11, с. 234–235].

Преступления в сфере деятельности по государственному регулированию экономических отношений, таможенные, налоговые и иные преступления имеют свои объекты посягательства, при этом соответствующие отношения носят публичный, властный характер, и в перспективе они должны быть выведены за рамки экономической преступности. Именно поэтому общественно опасные деяния, связанные с реализацией властных полномочий государства, например, в налоговой и таможенной сферах, следует рассматривать отдельно.

В связи с изложенным нами предлагается модель структурного изменения составляющих раздела VIII УК. Представляется, что название раздела («Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности») целесообразно оставить прежним. Предлагаем выделить экономические преступления из гл. 25 УК в отдельную главу, а иные виды преступлений против порядка осуществления экономической деятельности разместить в других главах. При этом возможным видится вариант структурного построения раздела VIII УК при условии системного совершенствования структуры Особенной части уголовного закона с учетом следующих разработанных нами предложений:

- в главу 24 «Преступления против собственности», помимо имеющихся на сегодняшний день статей, включить действующую ст. 236 УК;
- экономические преступления следует разместить в отдельной гл. 25¹ «Преступления против порядка производства экономических благ» и включить в нее действующие ст. 226, 226¹, 226², 226³, 227, 233, 239, 240, 245, 250 УК;

- преступления, видовым объектом которых являются общественные отношения в сфере управления в денежно-кредитной и валютной сферах, разместить в новой гл. 25² «Преступления против порядка управления в денежно-кредитной и валютной сферах», куда следует включить ст. 221, 222, 223, 225, 235, 237, 258 УК;

- преступления, посягающие на интересы службы в коммерческих организациях, порядок проведения соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, следует разместить в рамках отдельной гл. 25³ «Преступления против интересов службы в коммерческих организациях, против порядка проведения соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов», включив в нее действующие ст. 252 и 253 УК;

- таможенные преступления целесообразно объединить в рамках новой главы 25⁴ «Преступления против порядка управления в таможенной сфере», разместив в ней ст. 228, 228¹, 229, 231 УК;

- налоговые преступления также следует разместить в отдельной главе 25⁵ «Преступления против порядка управления в налоговой сфере», где следует расположить действующие ст. 243, 243¹, 243², 261¹ УК. Относительно ст. 261¹ следует отметить, что в ней непосредственным объектом преступления является установленный порядок изготовления, оборота и использования акцизных марок Республики Беларусь, обеспечивающий защиту финансовых интересов государства, нарушаемых ввиду неуплаты акцизов^{2*} (косвенного налога), в связи с чем представляется целесообразным отнесение ее к числу налоговых преступлений;

- преступления, посягающие на порядок обращения с информацией, составляющей коммерческую или банковскую тайну (ст. 254, 255 УК), следует включить в новую главу 25⁶ «Преступления против порядка обращения с информацией, составляющей коммерческую или банковскую тайну» УК.

Остальные преступления (ст. 230, 241, 242, 243³, 246, 251), содержащиеся на данный момент в гл. 25 раздела VIII УК, не посягают на порядок осуществления экономической деятельности, а, следовательно, подлежат размещению в рамках иных разделов и глав Особенной части УК.

Представляется, что реализация предлагаемого нами подхода позволит однозначно оценивать общественно опасные деяния в качестве экономических преступлений, уточнит границы уголовно-правовой охраны экономических отношений, складывающихся между их равноправными участниками, отделив экономические преступления от иных общественно опасных деяний, а также с большей степенью точности анализировать структуру преступности, оценивать уровень экономической преступности, что имеет значение в том числе при выработке мер предупреждения.

^{2*} Лукашов А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь...

Заключение

С учетом сущности экономических отношений, видового объекта экономических преступлений и анализа их соотношения с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности представляется целесообразным в перспективе при дальнейшем системном совершенствовании уголовного закона Республики Беларусь внести в него корректировки, в частности, выделить новую главу, посвященную экономическим преступлениям. При этом иные преступления, на сегодняшний день

размещенные в гл. 25 УК, следует разделить и сгруппировать в зависимости от видового объекта и, соответственно, разместить их в рамках отдельных глав.

На наш взгляд, такое разделение будет положительно влиять на точную и однозначную квалификацию соответствующих общественно опасных деяний в качестве экономических и иных преступлений, последующее отправление правосудия, а также будет способствовать составлению более детальных статистических данных о соответствующих преступлениях.

Библиографические ссылки

1. Савенок АЛ. Уголовный кодекс Республики Беларусь: итоги, проблемы и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2019;2:72–77.
2. Данилюк СЕ. Некоторые актуальные проблемы современной уголовной политики в контексте исторического развития школ уголовного права. В: Конюк АВ, редактор. *Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности в области противодействия преступности и коррупции. Материалы Международной научно-практической конференции; 22 декабря 2011 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУФК; 2012. с. 54–58.
3. Кузнецов АП. Экономическое преступление и экономическая преступность: соотношение понятий. *Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017;3:235–239.
4. Казакевич СМ. Некоторые особенности криминологической характеристики лица, совершающего преступления против порядка осуществления экономической деятельности. В: Яскевич АВ, редактор. *Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию милиции Беларуси; 10 февраля 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2017. с. 161–162.
5. Салаев ГА. Некоторые проблемы уголовно-правовой характеристики составов экономических преступлений в Республике Беларусь. В: Сычёва НВ, редактор. *Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем. Сборник научных трудов*. Гомель: Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого; 2021. с. 234–236.
6. Соловьев ОГ. Правовые символы в нормах об экономических преступлениях в уголовном праве Республики Беларусь. *Юридическая гносеология*. 2016;2:84–88.
7. Хилjuta ВВ. Онтология экономической преступности: от определения к выявлению сущностных признаков. *Lex russica*. 2013;5:528–541.
8. Мартыненко ИЭ. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за невозвращение временно вывезенных за пределы территории Республики Беларусь историко-культурных ценностей. В: Гридюшко ПВ, редактор. *Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции; 18–19 мая 2023 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2023. с. 166–167.
9. Головенчик МГ. Преступления в сфере экономики: сравнительно-правовой анализ уголовных кодексов государств – участников СНГ. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023;2:132–143.
10. Долгова АИ, редактор. *Криминология*. Москва: Норма; 2005. 912 с.
11. Головенчик МГ. Актуальные проблемы совершенствования Уголовного кодекса Республики Беларусь в условиях трансформации экономических отношений. *Бизнес. Образование. Право*. 2024;3:232–238. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1059.

Статья поступила в редколлегию 22.02.2025.
Received by editorial board 22.02.2025.

УДК 343.131

РЕАЛИЗАЦИЯ СВИДЕТЕЛЬСКОЙ ПРИВИЛЕГИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. В. ПЕТРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определяется сущность свидетельского иммунитета, свидетельской привилегии. Рассматривается история развития указанного института, устанавливаются особенности реализации права не свидетельствовать в ходе следственных действий и судебного заседания. Раскрывается вопрос о тактических особенностях разъяснения несовершеннолетнему данного права. Рассматривается реализация свидетельской привилегии по делам, связанным с насилием в семье. Отмечается значение свидетельской привилегии в правовом статусе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет; свидетельская привилегия; допрос; несовершеннолетний; показания; уголовный процесс.

IMPLEMENTATION OF WITNESS PRIVILEGE BY MINORS IN CRIMINAL PROCEDURE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

O. V. PETROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article defines the essence of witness immunity, witness privilege. The history of this institution development is described, the features of the right implementation during investigative actions and court hearings are determined. The issue of tactical features of explanation of the right to a minor is revealed. The features of the implementation of witness privilege in domestic violence cases are clarified. The significance of witness privilege in the legal status of minor witness and victim is highlighted.

Keywords: testimony immunity; witness privilege; interviewing; minor; readings; criminal procedure.

Образец цитирования:

Петрова ОВ. Реализация свидетельской привилегии несовершеннолетними в уголовном процессе Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:56–60.
EDN: BCPNFD

For citation:

Petrova OV. Implementation of witness privilege by minors in criminal procedure in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:56–60. Russian.
EDN: BCPNFD

Автор:

Ольга Валентиновна Петрова – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Olga V. Petrova, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
<https://orcid.org/0000-001-5939-0531>
machkova@bsu.by

Введение

Конституция Республики Беларусь впервые в 1994 г. закрепила на национальном уровне в ст. 27 правило, гласящее, что никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Требование было имплементировано и в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве: в норме ч. 4 ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и нормах, регламентирующих получение показаний. В юридической теории такое право называется свидетельским иммунитетом.

Свидетельский иммунитет представляет собой особый вид правового иммунитета, заключающийся в предоставлении свидетелям права отказаться от дачи показаний в случаях, предусмотренных законом. В теории уголовного процесса выделяют понятия «свидетельский иммунитет» и «свидетельская привилегия». Право не свидетельствовать против себя, близких родственников и членов семьи, или свидетельская привилегия, – одна из самых важных

разновидностей свидетельского иммунитета, которая обеспечивает приоритет прав личности и выступает проявлением справедливости и гуманизма. Свидетельская привилегия заключается в праве лица отказаться от дачи свидетельских показаний и невозможности привлечения его к какой-либо ответственности за такой отказ. Однако при решении давать показания допрашиваемый предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Преимущественно семейно-бытовой характер преступности в отношении несовершеннолетних предопределяет актуальность рассматриваемой привилегии для правового статуса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном процессе. Несмотря на традиционный характер указанного правового института и возможную простоту регламентации, реализация свидетельской привилегии несовершеннолетними вызывает ряд вопросов, требующих особого внимания.

Развитие правовой регламентации свидетельской привилегии в уголовном процессе

Свидетельская привилегия давно существовала в обществе как моральная норма, восходящая к христианским ценностям. Согласно ст. 94 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. муж или жена обвиняемого лица, его родственники по восходящей и нисходящей прямым линиям, а также его родные братья или сестры могли устранить себя от свидетельства, а в случае нежелания воспользоваться таким правом они допрашивались без присяги.

На нравственную значимость рассматриваемого ограничения обращал внимание А. Ф. Кони: «Ради целей земного правосудия нельзя ослабить или нарушить священные узы, связывающие людей между собою. Закон щадит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или наличности изобличающих его факторов заставляли бы нередко сердце дающего показания обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи. В человеческом взгляде закона на таинственный голос крови или супружеской привязанности заключается даже как бы признание допустимости лжи, которая в известных случаях более близка к внутренней правде жизни, чем объективная и холодная истина» [1, с. 52]. В истории науки противником свидетельского иммунитета выступал И. Бентам [2, с. 264].

В советский период публичные интересы противодействия преступности, неотвратимости уголовной ответственности перевешивали частные интересы, поэтому свидетельская привилегия не предусматривалась. Следует отметить, что предложения о закреплении свидетельского иммунитета в отношении близких родственников, положения о морально-нравственной

недопустимости их уголовной ответственности за отказ от дачи показаний выдвигались в науке уголовного процесса и в советский период. Однако несмотря на доктринальное толкование, считалось, что такая норма затруднит установление истины по делу [3, с. 65–66].

В Республике Беларусь данная привилегия с момента закрепления в Конституции Республики Беларусь и отраслевом законодательстве принимается за незыблемое положение.

Давление на родственников угрозой привлечения к уголовной ответственности за невыполнение ими обязанностей свидетеля привело бы к несоблюдению общечеловеческих принципов морали, распаду семьи, разрушению родственных отношений. Предоставление гражданину права не свидетельствовать против себя самого, близких родственников и членов семьи есть не что иное, как стремление государства не допустить разрыва семейных уз и осложнения родственных отношений, а также стремление обезопасить правосудие от дачи заведомо ложных (в большей или меньшей степени) показаний [4, с. 186–187].

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК свидетель имеет право не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников. Уголовно-процессуальный закон не содержит правил получения объяснений, однако и не регламентирует такой порядок. Представляется, что свидетельская привилегия должна в силу указанных норм распространяться и на лицо, которое дает объяснения. Это положение нашло реализацию в правоприменительной деятельности.

Особенностью уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь является норма,

согласно которой свидетельской привилегией можно воспользоваться не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии судебного разбирательства. Согласно ч. 2 ст. 333 УПК если потерпевший или свидетель, освобожденные по закону от обязанности свидетельствовать против обвиняемого, не согласились дать показания в судебном заседании, то их показания, полученные при досудебном производстве, не могут быть оглашены. Также не могут быть воспроизведены звукозапись их показаний, видеозапись или киносъемка допроса. В соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» суд не вправе ссылаться в приговоре как на доказательство на показания потерпевшего или свидетеля, данные при досудебном производстве, в случае использования ими своего конституционного права не свидетельствовать в судебном заседании против обвиняемого.

Согласно норме п. 2-1 ч. 1 ст. 333 УПК показания несовершеннолетнего, данные на стадии предварительного расследования, в том числе на допросе в условиях, дружественных детям, могут быть оглашены. Остается открытым вопрос о том, в каком порядке несовершеннолетний как свидетель или потерпевший может воспользоваться рассматриваемым правом на стадии судебного разбирательства в ситуации, когда он не вызывается для дачи показаний, а показания оглашаются. Представляется, что малолетнему при получении показаний в дружественной детям обстановке необходимо разъяснить,

что запись показаний будет в дальнейшем использоваться в судебном заседании.

Следует отметить, что анализ легального определения понятия «показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля» показывает, что они могут быть получены в ходе производства не только допросов, но и других следственных действий (очной ставки, проверки показаний на месте, следственного эксперимента) и впоследствии оглашены в судебном заседании. На возможность получения показаний в ходе не допроса, а другого следственного действия указывает, в частности, И. В. Данько [5, с. 178]. Применительно к проблематике несовершеннолетних также важно подчеркнуть, что вопросы реализации свидетельской привилегии могут возникать при проведении судебной экспертизы на предмет нахождения в беспомощном состоянии жертв сексуального насилия. Представляется, что в ходе такого следственного действия также необходимо разъяснять право не свидетельствовать.

Таким образом, невозможность получения показаний от близкого родственника или члена семьи подозреваемого или обвиняемого при использовании свидетельской привилегии не может быть компенсирована участием, например, в проверке показаний на месте или следственном эксперименте. Закон не закрепляет требования разъяснять право воспользоваться свидетельской привилегией перед началом того или иного следственного действия, однако данный пробел не исключает действие рассматриваемого иммунитета при производстве любых процессуальных действий.

Свидетельская привилегия несовершеннолетних в уголовном процессе

Рассматривая проблематику реализации несовершеннолетними следственной привилегии, следует обратить внимание на то, что допрос несовершеннолетних в целом вызван опасностью совершения преступлений в отношении несовершеннолетних и исключительной необходимостью этого следственного действия. Если расследование и рассмотрение дела возможно без привлечения к участию несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего по его желанию, от такого участия следует отказаться. Данный принцип будет максимально соответствовать интересам ребенка. К сожалению, соблюсти его не всегда возможно.

Уголовный закон содержит случай, когда совершение преступления против несовершеннолетнего может быть основанием отказаться от частного-публичного порядка обвинения и преследовать виновное лицо в порядке публичного обвинения в силу повышенной общественной опасности деяния при его совершении в отношении ребенка. Так, изнасилование (ч. 1 ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и насильственные действия сексу-

ального характера (ч. 1 ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь) расследуются только по воле (заявлению) потерпевшей (потерпевшего). В случае совершения названных преступлений в отношении несовершеннолетней (несовершеннолетнего) или малолетней (малолетнего) предполагается безусловное возбуждение уголовного дела и привлечение виновных к ответственности.

С процессуальной точки зрения данный факт говорит о том, что совершеннолетняя (совершеннолетний) потерпевшая (потерпевший) может воздержаться от участия в производстве по уголовному делу в целом, отказавшись от инициирования разбирательства, а несовершеннолетняя (несовершеннолетний) будет участвовать в таком производстве.

В силу возраста лица, не достигшие 16 лет, не несут уголовную ответственность за отказ от дачи показаний, т. е. свидетель, не достигший указанного возраста, не дает показания вынужденно под угрозой неблагоприятных последствий. Однако участник процесса решает сам, воспользоваться ему свидетельской привилегией или не воспользоваться ей. От-

существование ответственности не исключает необходимости предупредить несовершеннолетнего в понятной форме о возможности отказаться от дачи показаний, как не исключает и обязанности органа уголовного преследования воздержаться от принуждения несовершеннолетних в любой форме к даче показаний.

В юридической литературе обоснованно ставится вопрос о том, может ли несовершеннолетний понимать характер такого права. Как указывает Н. Ю. Волосова, «задавая вопрос о желании лица дать показания, следователь, дознаватель или суд, осуществляющие производство по уголовному делу, рассчитывают услышать именно реализацию желания участника уголовного судопроизводства, т. е. собственное волеизъявление. Будет ли в данном случае собственным волеизъявлением высказанное желание дать показания или отказаться от них лицом, которое не понимает всей важности для обвиняемого принятого им решения?» [6, с. 298].

Представляется, что задавать подобные вопросы законному представителю несовершеннолетнего также недопустимо, отказ или согласие взрослого зависят от его собственной совести [7, с. 75]. Следует согласиться с мнением Н. Ю. Волосовой о том, что собственное волеизъявление участника процесса должно носить индивидуальный характер, а не за-

висеть от волеизъявления другого лица, в данном случае законного представителя [6, с. 299].

Действительно грамотный подход к разъяснению несовершеннолетнему и особенно малолетнему права не свидетельствовать против себя требует наличия специальной подготовки и опыта у допрашивающего. Для более успешной реализации этого мероприятия на допрос приглашаются педагог или психолог, создаются дружественные детям условия [8]. В целом указанная проблема ставит вопрос об адаптации тактики допроса к возрасту несовершеннолетнего.

Проблема волеизъявления несовершеннолетнего при реализации свидетельской привилегии имеет не только моральную, но и правовую природу. Возникает вопрос оценки судом соблюдения права на свидетельскую привилегию несовершеннолетних, особенно подверженных внушению малолетних. При оценке показаний несовершеннолетнего, представляется, что выявление отсутствия свободного волеизъявления на дачу показаний при допросе может быть основанием для признания нарушения права не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи. Вследствие этого обстоятельства ценнейшие доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Правовая дилемма свидетельской привилегии несовершеннолетнего по уголовным делам, связанным с насилием в семье

При расследовании преступлений, связанных с насилием в семье, данное право подвергается серьезному моральному испытанию. Безусловно, психологическая травма, нанесенная насилием, значительно отражается на судьбе человека. В ходе расследования и рассмотрения уголовных дел такая травма по возможности не должна усугубляться. Вместе с тем при производстве по уголовному делу показания несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля могут быть решающими для доказывания вины. Например, малолетний может быть единственным свидетелем убийства матери его отцом, несовершеннолетние становятся жертвами сексуального насилия в семье в условиях неочевидности при утрате или отсутствии биологических следов.

Как указывает Т. А. Вишневская, при наличии информации о совершенных или совершаемых преступлениях в семейно-бытовой сфере (даже в случаях установления нахождения пострадавших в зависимом положении или малолетнем возрасте) привлечь виновное лицо к ответственности зачастую крайне сложно, а порой и невозможно. Ведь по преступлениям данных категорий материальные следы не всегда имеются, преступления носят латентный характер (особенно преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних), информация о противоправном деянии поступает в правоохранительные органы

по истечении значительного промежутка времени с момента его совершения. Порой единственными доказательствами в таких случаях являются свидетельские показания членов семьи, согласующиеся со скудными материальными следами [9, с. 50].

В этом случае возникает конкуренция двух приоритетов: 1) расследования и привлечения к ответственности за особо тяжкие преступления; 2) применения мер защиты в отношении несовершеннолетнего и сохранения свидетельской привилегии ребенка. Представляется, что в данном случае необходимо придерживаться основополагающего принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Следует также отметить, что важно должным образом (с учетом возрастных особенностей) разъяснить несовершеннолетнему право не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи и обеспечить реализацию этого права, несмотря на вероятность потерять ценные источники данных. Представляется, что, какими бы морально неприемлемыми ни были преступления, ребенку должна быть обеспечена возможность не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи, а следователь должен выбрать любые иные методы получения доказательств. При этом в каждом случае стоит выявить причину хранения несовершеннолетним молчания. Следует иметь

в виду, что на реализацию несовершеннолетним права давать показания могут влиять и другие члены семьи, стремящиеся не выносить сор из избы. В таком случае отказ под влиянием иных членов семьи и близких родственников не будет личным выбором ребенка.

Выявить такие случаи возможно не только в ходе подготовки к следственному действию, но и при тесном межведомственном взаимодействии с органами опеки и попечительства, психологической службой учреждений образования, инспекцией по делам несовершеннолетних и т. д.

Такое решение представляется нравственным с точки зрения сохранения семейных ценностей, укрепления института семьи. Современный уголовный процесс использует потенциал специальных

знаний, информационных технологий, достижений научно-технического прогресса, криминалистика обогащается знаниями в области психологии, которые позволяют максимально адаптировать процесс расследования и рассмотрения уголовных дел к принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Важно отметить, что реализация несовершеннолетним права на свидетельский иммунитет не исключает применения мер государственной защиты детей от насилия в семье, которые косвенно могут помочь реализации задач и целей уголовного процесса. Их применение не может быть напрямую связано с ходом расследования, оно отличается более простым, нежели в уголовном процессе, установлением обстоятельств применения.

Заключение

Все вышесказанное иллюстрирует высокую нравственную составляющую права не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи (свидетельской привилегии). В случаях насилия в семье для реализации несовершеннолетним рассматриваемого права требуется особый подход, поскольку возникает серьезная моральная проблема выбора при решающем значении показаний несовершеннолетнего. В правоприменительной деятельности

необходимо последовательно реализовывать такое положение, при котором получение показаний несовершеннолетнего предполагает не только дружественные условия допроса, но и реализацию его права не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи. Право на свидетельскую привилегию должно быть обеспечено в ходе любых следственных действий в части дачи показаний.

Библиографические ссылки

1. Кони АФ. Нравственные начала в уголовном процессе. В: Кони АФ. *Собрание сочинений. Том 4*. Москва: Юридическая литература; 1967. 543 с.
2. Бентам И. *О судебных доказательствах*. Киев: Типография М. П. Фрица; 1876. 423 с.
3. Литвинцева НЮ. К вопросу о свидетельском иммунитете близких родственников. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2014;4:62–71.
4. Мороз ОЛ. Свидетельский иммунитет в гражданском процессе. В: Бибило ВН, редактор. *Право и демократия*. Выпуск 26. Минск: БГУ; 2015. с. 186–195.
5. Данько ИВ. О правовом регулировании свидетельского иммунитета в уголовном процессе. В: Матвейчев ЮА, редактор. *Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов V международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования милиции Беларуси; 31 марта 2017 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2017. с. 177–180.
6. Волосова НЮ. *Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика*. Москва: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации; 2015. 426 с.
7. Аминев РН. Свобода от самоизобличения как принцип уголовного процесса. В: Ровный БИ, редактор. *Правовая защита частных и публичных интересов. Материалы Общероссийской межвузовской научно-практической конференции; 22–23 января 2003 г.; Челябинск, Россия*. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет; 2003. с. 72–76.
8. Петрова ОВ. Дружественная детям комната для допроса как новелла уголовно-процессуального закона. В: Лещенко СК, редактор. *Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение. Сборник научных трудов*. Выпуск 2. Минск: РИВШ; 2021. с. 351–358.
9. Вишневская ТА. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе. В: Вегера ИВ, редактор. *Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе. Сборник статей Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Новополоцк, Беларусь. Том 2*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой; 2019. с. 43–54.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИДЕЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»

REPUBLICAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «DEVELOPMENT OF BELARUSIAN LEGAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF TOPICAL CONSTITUTIONAL IDEAS»

Накануне Дня Конституции Республики Беларусь, 13 марта 2025 г., на юридическом факультете Белорусского государственного университета состоялась Республиканская научно-практическая конференция «Развитие белорусской юридической науки в контексте современных идей конституционализма».

В зале заседаний юридического факультета конференция объединила представителей органов государственной власти, государственных организаций, адвокатуры, нотариата и учреждений образования. В честь открытия конференции были озвучены приветственные адреса Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Н. И. Кочановой и Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь И. П. Сергеев.

С приветственными словами к участникам конференции обратились первый проректор БГУ кандидат географических наук, доцент Д. М. Курлович, заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь О. И. Чуприс, заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь Н. А. Карпович, председатель постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по законодательству, полномочный представитель Палаты представителей в Конституционном Суде Республики Беларусь М. А. Ленчевская, генеральный директор Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь В. А. Рябоволов, председатель Белорусской нотариальной палаты

Н. В. Борисенко, председатель Белорусской республиканской коллегии адвокатов А. И. Шваков, первый заместитель директора Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь С. В. Задиран, директор Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета доктор юридических наук, профессор О. Н. Здрок, первый заместитель начальника Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь кандидат юридических наук, доцент К. Д. Сазон.

От лица декана юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы кандидата юридических наук, доцента С. Е. Чебурановой со словами приветствия к участникам конференции обратилась доцент кафедры международного права кандидат юридических наук, доцент О. Н. Шупицкая.

Представители государственных органов и организаций поздравили всех участников конференции с наступающим государственным праздником и отметили важное значение и ценность научных идей в области конституционного развития Беларуси для образования и правового воспитания граждан страны.

Декан юридического факультета кандидат юридических наук, доцент А. В. Шидловский в приветственном слове подчеркнул, что становление и развитие научной школы конституционного права в Республике Беларусь в целом и в БГУ в частности неразрывно связаны с деятельностью заведующего кафедрой конституционного права доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, заслуженного юриста Республики Беларусь Г. А. Василевича, под руководством которого подготовлено свыше 20 кандидатов и 4 доктора юридических наук.

Пленарное заседание республиканской конференции продолжилось выступлениями участников о конституционном развитии Беларуси и научном вкладе Г. А. Василевича в развитие конституционного права и юриспруденции.

С приуроченным к юбилею Г. А. Василевича докладом о раскрытии потенциала Конституции Республики Беларусь выступила О. И. Чуприс.

Развитие историко-правовой науки в научных трудах Г. А. Василевича проследила профессор ка-

федры теории и истории государства и права доктор юридических наук, профессор Т. И. Довнар.

Доклад судьи Конституционного Суда Республики Беларусь кандидата юридических наук, доцента С. П. Чигринова был посвящен государственной идентичности как фактору реализации властных полномочий.

Заместитель директора – руководитель Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь кандидат юридических наук, доцент Е. В. Семашко выступила с докладом «Конституционные нормы: между буквой закона и духом времени».

Г. А. Василевич в своем выступлении подчеркнул актуальность и значимость поднятых на пленарном заседании научных вопросов и предложений в контексте современного состояния конституционного развития в Республике Беларусь.

Научные дискуссии участников конференции продолжились на секционных заседаниях «Роль белорусских ученых в развитии конституционного права», «Современная парадигма властных отношений», «Современная концепция правового статуса человека и гражданина», «Конституционализация отраслей права».

А. В. Шидловский¹, В. П. Сухопаров²

¹Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета.

Andrei V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: *shidlovsky@bsu.by*

²Виктор Павлович Сухопаров – заместитель декана по идеологической и воспитательной работе, старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Viktor P. Sukhoparov, deputy of dean for ideological and educational work, senior lecturer at the department of constitutional law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: *viktar19sv@gmail.com*

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Григорий Алексеевич
ВАСИЛЕВИЧ

Grigory Alekseevich
VASILEVICH

13 февраля отметил 70-летний юбилей доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета Григорий Алексеевич Василевич.

Григорий Алексеевич родился в Минске. В 1980 г. он окончил юридический факультет БГУ, после чего продолжил учебу на факультете в аспирантуре (1980–1983 гг.).

В 1984 г. в Харьковском юридическом институте Г. А. Василевич защитил кандидатскую диссертацию по трудовому праву на тему «Трудовой договор с работниками торговли». В 1994 г. в БГУ Григорий Алексеевич защитил докторскую диссертацию по конституционному праву на тему «Проблемы законотворческой деятельности Верховного Совета Республики Беларусь». В 1998 г. он получил ученое звание профессора.

Трудовой путь Григория Алексеевича разнообразен. Свою трудовую деятельность он начинал в качестве рабочего, затем служил в Советской армии.

В 1983–1986 гг. работал преподавателем на юридическом факультете БГУ.

Свою жизнь Григорий Алексеевич посвятил добросовестному труду на благо Отечества, службе на страже законности и государственных интересов.

Г. А. Василевич в 1986–1989 гг. работал в Секретариате Верховного Совета Республики Беларусь заместителем заведующего юридическим отделом, в 1989–1994 гг. – заведующим юридическим отделом.

Григорий Алексеевич принимал активное участие в подготовке законодательных актов, обеспечивших развитие национальной правовой системы в период становления Беларуси как суверенного государства. Он внес значимый вклад в разработку Конституции Республики Беларусь: с июля 1990 до марта 1994 г. являлся членом Конституционной комиссии, заместителем руководителя рабочей группы по подготовке проекта Конституции Республики Беларусь.

Значимым этапом профессиональной биографии Григория Алексеевича является работа в Конституционном Суде Республики Беларусь, где в апреле 1994 г. он был избран судьей. В этом качестве Григорий Алексеевич проявил настойчивость и принципиальность

в непростой период становления института президентства в нашей стране. В период работы в Конституционном Суде Республики Беларусь Г. А. Василевич отстаивал верховенство конституционных принципов и норм, излагал свою позицию в особых мнениях.

С января 1997 по февраль 2008 г. Григорий Алексеевич занимал должность Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь (Г. А. Василевич имеет высший квалификационный класс судьи). Под руководством Г. А. Василевича был снят ряд ограничений в реализации права на судебную защиту, юридическую помощь. Он способствовал прямому применению конституционных норм о свободе трудового договора независимо от места жительства, о законодательном регулировании распределения молодых специалистов, об уважительном отношении к государственным языкам и др.

Важным периодом профессиональной деятельности Григория Алексеевича стало руководство в 2008–2011 гг. системой органов прокуратуры в статусе Генерального прокурора Республики Беларусь (Г. А. Василевич имеет классный чин государственного советника юстиции 1 класса). В этот период он внес весомый вклад в организацию деятельности системы прокуратуры. За четыре года руководства Григория Алексеевича прокуратуре при взаимодействии с иными правоохранительными органами удалось добиться существенного снижения уровня преступности, в том числе уменьшения почти в два раза количества особо тяжких преступлений (убийств, разбойных нападений, грабежей и др.). Он инициировал принятие ряда нормативных правовых актов, в том числе Концепции о совершенствовании мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, об усилении ответственности за управление автотранспортом в нетрезвом состоянии и др.

Более двух десятилетий Григорий Алексеевич возглавляет кафедру конституционного права юридического факультета БГУ. Его научные достижения уникальны: Г. А. Василевич – автор свыше 1000 научных работ, в том числе более 100 книг и монографий, более 50 учебников и учебных пособий. С 2017 г. Григорий Алексеевич является членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси. Г. А. Василевич – руководитель научной школы. Он подготовил свыше 20 кандидатов, а также 4 докторов юридических наук. На протяжении ряда лет Григорий Алексеевич является членом редколлегии ряда журналов, издаваемых в Беларуси и России, председателем Совета по защите диссертаций Д 02.01.04 при БГУ.

Григорий Алексеевич продолжает активную общественную жизнь. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2021 г. № 105 «О Конституционной комиссии» он включен в ее состав. Данная комиссия разработала проект из-

менений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.

Г. А. Василевич внес вклад в создание первого Научно-практического комментария к Конституции Республики Беларусь, разработанного во исполнение поручения Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 1 апреля 2022 г. № 16/400-11 ПЗ23 в целях разъяснения конституционно-правового смысла и содержания конституционных принципов и норм, правильного понимания и неукоснительного соблюдения Конституции. Комментарий издан под общей редакцией Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь П. П. Миклашевича, Заместителя Главы Администрации Президента Республики Беларусь О. И. Чуприс, заведующего кафедрой конституционного права юридического факультета БГУ Г. А. Василевича и адресован широкому кругу читателей для использования в научной, учебной, правоприменительной деятельности.

Григорий Алексеевич – постоянный спикер диалоговых площадок, активный участник правового просвещения и правового воспитания учащихся, студентов, работников БГУ и других организаций. Его уникальный жизненный опыт, выдающиеся профессионализм и компетентность, ораторское мастерство всегда увлекают аудиторию. Лекции Г. А. Василевича на юридическом факультете, его выступления на факультетских и университетских мероприятиях вызывают большой интерес у студентов.

Выступая по актуальным правовым, политическим, историческим вопросам, Григорий Алексеевич активно взаимодействует со средствами массовой информации.

Международный биографический центр Кембриджа включил Г. А. Василевича в список выдающихся людей XX и XXI в.

Григорий Алексеевич является заместителем председателя общественного объединения «Белорусская ассоциация политических наук», членом Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, членом научно-консультативного совета по вопросам социально-экономического развития Республики Беларусь при Президиуме Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, членом научно-консультативного совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь.

Профессиональная деятельность Г. А. Василевича отмечена многочисленными наградами, среди которых Орден Почета (2021), нагрудный знак «Почетный прокурор стран СНГ» (2016), премия имени В. И. Пичеты за серию учебников и учебных пособий по конституционному праву (2012), нагрудный знак Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі» (2005), юбилейная медаль

«К десятилетию Конституции Республики Казахстан» (2005) и несколько десятков ведомственных медалей, нагрудных знаков и почетных грамот. Григорию Алексеевичу присвоены следующие звания: заслуженный юрист Республики Беларусь (1994), почетный профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (2016), почетный доктор Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (2017).

Многочисленные награды являются живым свидетельством неопределимого вклада Г. А. Василевича в государственное строительство и законотворчество, правосудие и охрану правопорядка, юридическую науку и образование.

Уважение, благодарность и признательность всего коллектива подтверждают и слова поздравления с предыдущего юбилея Григория Алексеевича: «Творческий импульс, исходящий от профессора Г. А. Василевича, широко распространяется на

окружающих его людей. Преподаватели кафедры конституционного права и многие сотрудники факультета, оказавшись под влиянием его обаяния, инициативности, целеустремленности, стремятся соответствовать его высокому профессиональному уровню, ответственности и работоспособности.

Есть такие понятия, над которыми не властно время: уважение, дух созидания, профессионализм, долг, ответственность. И все это применимо к Вам, уважаемый Григорий Алексеевич!»¹.

Коллектив, студенты и выпускники юридического факультета БГУ сердечно поздравляют Григория Алексеевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, долголетия, новых творческих успехов и достижений, неиссякаемой внутренней энергии, добра, позитива и благополучия! Пусть намеченные планы реализовываются, мечты сбываются, и всем начинаниям сопутствует успех!

С. А. Балашенко², А. В. Шидловский³

¹Поздравляем Григория Алексеевича Василевича с юбилеем! [Электронный ресурс]. URL: <https://law.bsu.by/novosti/> (дата обращения: 11.02.2025).

²Сергей Александрович Балашенко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Siarhei A. Balashenko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: balashenko@bsu.by

³Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета.

Andrei V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: shidlovsky@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 34(06)

Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераемнасць, стан і перспектывы : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 17 – 18 кастр. 2024 г.) / БДУ [рэдкал.: Л. Л. Голубева (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дадзеныя. Мінск : БДУ, 2024. 411 с. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/324488>. Загл. з экрана. Дэп. у БДУ 10.01.2025, № 000510012025. Тэкст : электронны.

У зборнік увайшлі даклады і тэзісы выступленняў вучоных і практыкуючых юрыстаў Рэспублікі Беларусь і замежных краін на Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераемнасць, стан і перспектывы», прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння доктара юрыдычных навук, прафесара Т. І. Доўнар.

Адрасуецца навукоўцам, выкладчыкам юрыдычных устаноў вышэйшай адукацыі, аспірантам, магістрантам і студэнтам, а таксама юрыстам-практыкам.

УДК 339.543(075.8)+351.824.5:339.543(075.8)

Соркин С. В. Таможенно-тарифное и нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-1036-01 «Таможенное дело» / С. В. Соркин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 42 с. : ил. Библиогр.: с. 38–42. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/324567>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.01.2025, № 000716012025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Таможенно-тарифное и нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности» предназначен для студентов специальности 6-05-1036-01 «Таможенное дело». ЭУМК включает конспект лекций по темам дисциплины, планы семинарских занятий, примерные темы рефератов, практические задания, а также список литературы и список электронных ресурсов.

УДК 343.98(075.8)

Шабанов В. Б. Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0421-01 «Юриспруденция» / В. Б. Шабанов, А. М. Хлус ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 73 с. Библиогр.: с. 67–73. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/325174>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.01.2025, № 001129012025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений» предназначен для магистрантов специальности 7-06-0421-01 «Юриспруденция». ЭУМК включает краткий конспект лекций по темам дисциплины, планы семинарских занятий, примерные темы рефератов, практические задания, а также список основной, нормативной и дополнительной литературы и список электронных ресурсов.

УДК 346(06)

Теоретические и практические проблемы правового регулирования национальной экономики : материалы Междунар. круглого стола (Минск, 13 нояб. 2024 г.) / БГУ ; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 370 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/325920>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.02.2025, № 001712022025. Текст : электронный.

В сборнике содержатся тезисы докладов и статьи участников Международного круглого стола «Теоретические и практические проблемы правового регулирования национальной экономики», который состоялся в г. Минске 13 ноября 2024 г. на базе юридического факультета Белорусского государственного университета.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за соблюдение авторского и иных прав, достоверность информации несут авторы.

УДК 343.1(082)+349.2(082)

Теоретико-прикладные аспекты защиты прав участников цивилистических правоотношений : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию кафедры гражданского процесса и трудового права (Минск, 3 окт. 2024 г.) / БГУ ; [редкол.: О. Н. Романова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 141 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326517>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.02.2025, № 002720022025. Текст : электронный.

В сборнике представлены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран о проблемах гражданского процесса и трудового права как отраслей науки и законодательства, подготовленные по материалам докладов на международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

УДК 342(476)(075.8)

Василевич Г. А. Конституционное право : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0421-01 «Правоведение», 6-05-0421-03 «Экономическое право», 6-05-0312-01 «Политология» / Г. А. Василевич, Т. М. Киселёва ; БГУ. Электрон. текстовые дан. – Минск : БГУ, 2025. 105 с. Библиогр.: с. 100–105. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326769>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2025, № 003506032025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Конституционное право» предназначен для студентов специальностей 6-05-0421-01 «Правоведение», 6-05-0421-03 «Экономическое право», 6-05-0312-01 «Политология». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, примерные темы курсовых и дипломных работ, задания контрольной работы, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы.

УДК 34(082)

Юридические записки студентов, магистрантов и аспирантов : сб. науч. работ студентов и аспирантов юридического факультета Белорус. гос. ун-та. Вып. 3 / БГУ ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 179 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/327691>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.03.2025, № 004927032025. Текст : электронный.

Сборник включает статьи студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета Белорусского государственного университета, посвященные актуальным проблемам правовой и политической науки, развития общества, государства и права в современных условиях.

УДК 341.231.14(06)+342.7(476)(06)

Международные документы и национальное законодательство по правам человека в эпоху цифровизации (к годовщине Всеобщей декларации прав человека) : материалы круглого стола (Минск, 17 дек. 2024 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), Т. С. Масловская, А. В. Шавцова, В. А. Шаршун]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. – 147 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/328129>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.04.2025, № 005609042025. Текст : электронный.

В сборник вошли материалы круглого стола «Международные документы и национальное законодательство по правам человека в эпоху цифровизации (к годовщине Всеобщей декларации прав человека)», организованного кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета. Адресуется научным и практикующим работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

УДК 346(476)(075.8)

Хозяйственное право : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1036-02 «Экономическая безопасность» / Н. Л. Бондаренко, А. В. Гавриленко, Е. Н. Гладкая [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 115 с. Библиогр.: с. 108–115. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/328145>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.04.2025, № 005709042025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Хозяйственное право» предназначен для студентов специальностей 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1036-02 «Экономическая безопасность». Содержание ЭУМК предполагает создание условий для получения студентами базовых знаний в области правового регулирования хозяйственной деятельности и правовых основ национальной экономики. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Хозяйственное право».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Лысаковский Г. А.</i> О причинах возникновения коллизий в праве	3
<i>Перепелица Е. В.</i> Автоматизированные коммуникации в структурной организации информационного права	12

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Киселёва Т. М.</i> Право граждан на публичные правовые инициативы в Республике Беларусь: теория и практика	20
<i>Кондратович Н. М.</i> Избирательный процесс в эпоху информационных технологий (зарубежный опыт законодательного регулирования)	29
<i>Кравец И. А.</i> Латиноамериканский новый конституционализм и демократическое участие в конституционных изменениях и публичной делиберации	36

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Оюунаа Ц.</i> Наследственное право: сравнительное исследование в рамках международного частного права	46
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Головенчик М. Г.</i> О перспективных направлениях оптимизации структуры главы 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь	51
<i>Петрова О. В.</i> Реализация свидетельской привилегии несовершеннолетними в уголовном процессе Республики Беларусь	56

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Шидловский А. В., Сухопаров В. П.</i> Республиканская научно-практическая конференция «Развитие белорусской юридической науки в контексте современных идей конституционализма»	61
---	----

ЮБИЛЕИ

Григорий Алексеевич Василевич	63
Аннотации депонированных в БГУ работ	66

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

<i>Lysakovskiy G. A.</i> On the reasons of conflict of laws origin	3
<i>Perepelitsa. E. V.</i> Automated communications in structural organisation of information law	12

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Kisialiova T. M.</i> The right of citizens for public legal initiatives in the Republic of Belarus: theory and practice	20
<i>Kandratovich N. M.</i> Election process in the era of information technologies (foreign experience of legislative regulation)	29
<i>Kravets I. A.</i> Latin American new constitutionalism and democratic participation in constitutional changes and public deliberation	36

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Oyunaaa Ts.</i> Inheritance law: a comparative study in the framework of private international law	46
---	----

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Goloventchik M. G.</i> On perspective directions for optimising the structure of chapter 25 of the Criminal Code of the Republic of Belarus	51
<i>Petrova O. V.</i> Implementation of witness privilege by minors in criminal procedure in the Republic of Belarus	56

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Shidlovsky A. V., Sukhoparov V. P.</i> Republican scientific and practical conference «Development of Belarusian legal science in the context of topical constitutional ideas»	61
---	----

JUBILEE

Grigory Alekseevich Vasilevich	63
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	66

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.
Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).*

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 1. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор А. С. Люкевич
Технические редакторы А. Р. Голик, М. А. Панкратова
Корректор А. С. Люкевич

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 1. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor A. S. Lyukevich
Technical editors A. R. Golik, M. A. Pankratova
Proofreader A. S. Lyukevich

© BSU, 2025